

Выпуск 17

*Давайте будем
бережней
друг к другу*

Сборник о добре

Серия «Серебро Слов»

*Давайте будем
бережней
друг к другу*

*Сборник о добре
Выпуск 17*

Коломна
Серебро Слов
2023

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Редколлегия:

Сергей Сергеевич Антипов

Председатель Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Денис Викторович Минаев

Генеральный директор издательства «Серебро Слов»,
секретарь Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Наталья Вениаминовна Евстигнеева

член Российского союза писателей, г. Коломна.
Руководитель проекта

Д13 **Давайте будем бережней друг к другу.** *Сборник о добре. Выпуск 17 / [Авт.; Сост.: Д.В. Минаев; авт. вступ. ст. Н.В. Евстигнеева].* — Коломна: Серебро Слов, 2023. — 99,[1] с.

ISBN 978-5-907703-04-9

© Авторы, 2023

© Евстигнеева Н.В., руководитель, 2023

© Минаев Д.В., составление, 2023

© Минаева А.А., обложка, 2023

© Серебро Слов, 2023

*Памяти
Вячеслава Николаевича Белова,
Николая Евгеньевича Зверева,
Алексея Николаевича Курганова,
Анастасии Евгеньевны Русских
посвящается...*

Давайте будем бережней друг к другу

Дорогие читатели, авторы сборника дарят вам уже 17-й сборник о Добре, Мужестве, Любви и Верности. Какие бы трудности ни встречались на пути, нужно сохранять в своей душе свет и радость, как заповедовали нам наши предки.

«Я Бога Ведаю. Говорю и делаю Добро. Добро Есть Жизнь. Живите Землёю, она кормилица наша. И Как мы, Люди, Мыслим, таков и Наш мир». Это один из переводов нашей древней азбуки, из которого следует, что доброта была смыслом жизни наших предков. Преемственность поколений проявляется в том, что и в наше время для нас доброта — тот фундамент, на котором строится наше общество и межличностные отношения. Мир спасёт доброта. В сборнике вы увидите истории в стихах и прозе о красоте великодушия, чуткости и милосердия, о величии духа и человечности.

В жизни всегда есть место подвигу. Истории о героях наших дней, о наших современниках, которые неравнодушны к боли и страданиям людей, о простых тружениках, которые всегда готовы прийти на помощь тем, кто в этом нуждается, тоже отразились на страницах сборника, наполнив его светом и добротой. Здесь стихи и рассказы, посвящённые нашим друзьям и самым близким людям, благодаря которым мы понимаем, что есть те ценности, которые дороже всего на свете. О мужестве, верности и чести, без которых мир стал бы намного беднее и бесцветнее. О красоте человеческой души...

О любви уже написано столько бессмертных строк, что, казалось бы, тема давно исчерпана. Но каждый автор, взявший в руки перо, всё равно пишет именно о ней.

Да, существует множество других тем, достойных внимания. Но тема любви — основная для всех авторов. И чему здесь удивляться? Если без неё ни дышать, ни жить невозможно. В этом сборнике много страниц посвящено именно этому прекрасному чувству.

...Всё в жизни суета сует, конечно, —
Стремление к славе, власти... Быть как все...
Любовь лишь остаётся в нас навечно
Неугасимой искоркой в душе.

В жизни каждого из нас происходит много событий. Думаю, что все со мной согласятся, что роль искусства в жизни каждого из нас сложно переоценить. Искусство — это неотъемлемая часть нашей жизни.

Некоторые встречи в жизни бывают судьбоносными. А события бывают счастливыми или фатальными. Всё дело случая. Все мы прекрасно понимаем, что от каких-то случайностей или закономерностей зависит, как сложится вся жизнь. В сборнике вы прочтёте истории о самых ярких, незабываемых событиях. Тех, что оставили глубокий и неизгладимый след в памяти.

Здесь и мечты, и планы о том, как преобразить наш мир, сделать его добрее.

«Пусть же будет грядущее безоблачным и прекрасным!» Такой добрый посыл идёт от всех произведений, написанных замечательными авторами, живущими в разных уголках нашей великой Родины и за её пределами. Счастья и Добра вам, наши дорогие читатели!

*Основатель сборника
член Российского союза писателей
Наталья Евстигнеева*

Екатерина Андреева

г. Луховицы, Московская область

Пионерка (разговор с эго)

«Жить полной жизнью можно лишь ценой своего «Я»

Герман Гессе «Степной волк»

Тише, тише, моя хорошая... Слышишь?
Снова мерзостный шепоток проникает в уши...
Ей не нравится, как ты чувствуешь, ходишь, дышишь...
Придирается ко всему:

можешь вкалывать или бить баклуши!

У нее очень длинные, окрашенные в блонд волосы,
Взгляд свысока и всегда ухоженные ногти.
Бровь изломана. Платье в горошек. Уверенность в голосе.
И сидит она в тебе острым вороньим когтем.

Заставляет тебя петь под свою дудку,
Убеждает, что должна ты рваться вперед и выше,
Самой лучшей быть, доказывать миру будто,
Что достойна ты жизни, любви! Пока не снесет крышу.

Уверяет исподтишка, что тебе гореть надо ярче!
Нужно вытащить все таланты на авансцену!
И бросаешься ты стремглав
открывать самоцветный ларчик,
И жонглируешь своим сердцем, ломая его через колено.

А она улыбается. Продолжает нашептывать тебе в уши,
Как тебя недо- оценили/любили/ и понимали.
Она хочет твоими ж руками твой мир разрушить
И остаться вдвоем с тобой в сером заплесневелом подвале

Вместо яркого света, вместо мира, где тихо, тепло и ясно.
Но ты больше свою пионерку в очках не слушай.
Королеве не нужно доказывать, что она лучшая.
Королеве и вовсе не нужно быть самой лучшей.

Недомать

Даю обеты.
Молчания. Неворчания. Некричания.
По столу кулаком нестучания.
Подзатыльник-недавания.

Беру уроки.
Смирения. Терпения. Взросления.
Ответственности-имения.
Эмоциями-владения.

Эх-эх, недомать...
Как же трудно себя воспитать...

Достаю из глубин подсознания
Истеричности осязание.
И в машинку его — на режим кипячения.
Чтобы детство Фомы
Не равнялось с хэштегом # мучения.

Исцеление

Свою меру испытать до дна.
Раствориться в страстях и обидах.
Чтобы кровь — ледяная вода.
Если ж тварь — самых гадких видов.

Невозврата точки достичь,
Падать-падать, все глубже, ниже...
А на дне вдруг себя постичь,
Попытаться себе стать ближе.

Вспомнить кожей, что солнце — есть.
Что в душе тоже может. Солнце.
Нужно больше, чем пить и есть.
Выкорабкивайся из колодца!

Ну и что, что ступенек нет:
Ты за выступы плит цепляйся!
Пальцы в кровь, но маячит свет —
Брось обиду, боль, поднимайся!

Рви за волосы ввысь себя,
Выбираясь из иня мглы.
Плачь, молись, стань сердцем огня!
Созерцай, познавай, твори!

Знай, получится, ты борись!
За себя борись! Наполняйся!
Он протянет руку, держись!
Рядом Он. Ты не сомневайся!

Научись просто, мудро жить...
Лишь прыжок от земли до взлета.
Постарайся себя простить.
И дыши полнотой полета.

Из оливковых прядей трав себе платье сотку,
Вплету в волосы бересклет, тимьян и шалфей.
Распущу мысли по ветру, выпью с ладони росу
И отправлюсь пылить босиком
вдоль пшеничных полей.

Я приду на морской обрыв — буду волны считать:
Раз, два, три — пенные гребешки под моей рукой,
Из моих сорока в восемнадцати чайкам летать,
Растворяя в зеленой воде всё, что было со мной.

И взглядевшись за горизонт, я увижу явь,
Как в лазоревой глубине воссияет свет.
В освежающей тишине ты меня оставь.
Белым ландышем в гуще трав встречу я рассвет.

Пусть струится в ночной тиши колокольный звон,
Наливается соком трав молодая жизнь,
Мне ж останется досмотреть поредевший сон,
Оттолкнувшись от облаков, падать чайкой вниз...

Там сольюсь с глубиной морской и вращу в пески,
И взойду в серебре луны трепетным ростком,
И в безмолвии растворюсь, ну а что же ты?
Ты качаешься на волнах стареньким челном.

Из оливковых прядей трав сети не прочны.
Бересклет погас. Увял, потемнел шалфей.
В позолоте лучей зари потускнели сны.
Полумрак превратился в белый и скучный день.

Вячеслав Белов

*с. Дединово,
Луховицкий р-н, Московская область*

Мой край

Три с лишним сотни лет нет Перевицка,
От города земли остался вал.
От тех времён край ныне Луховицкий
Движение к прогрессу начинал.

В те дни во имя доблести и силы,
Как символ власти для сплоченья масс,
В моём краю поднят был флаг России
На паруснике первом в первый раз.

История. Велик в ней список павших.
Без войн и распрей не жила страна.
Сегодня дело павших предков наших
Другие продолжают имена.

Из Луховиц стартуют в небо МиГи,
И их полёт салютом ныне стал
Приокской верфи, где сам Пётр Великий
О мощном русском флоте размышлял.

И что бы мог сказать сегодня Гоголь
О русских бедах после стольких лет?
В моём краю прекрасные дороги,
И нет причин к признанью этих бед.

В моём краю в лугах по пояс травы,
И с пойм дары рекордно высоки,
И лучшими считаются по праву
Молочные стада из-за Оки.

И пусть границы края не огромны,
Весомый вклад край вносит в регион.
Сосед Рязани и сосед Коломны
В лес новостроек ныне погружён.

От сварки искры вниз слетают роем.
И гордости не высказать здесь всей
За край, в котором множатся герои,
За край извечно творческих людей.

За край с местечком, филиалом рая,
Где вёснами с заката до утра
Хор соловьёв, окрестность сотряся,
Поёт о райских куцах Осетра.

Делами и заветными местами
Мой край известность ныне приобрёл
Ту, о которой прадеды мечтали,
Спуская на Оку корабль «Орёл».

Добрый день, деревенька Асошники!

Зов судьбы и Господь — мне помощники
В том пути, что к тебе был далёк.
Добрый день, деревенька Асошники,
Луховицкий родной уголок.

Я приехал к тебе не как ранее,
На каких-то неполных два дня,
Городскими заботами ранен я,
Подлечи, деревенька, меня.

Здесь молитву ветла подростковая
За меня вновь зашепчет с весны.

И в колодце вода родниковая
Воскресит мои вещи сны.

Лес бальзамом поит тебя с севера.
В мае славят тебя соловьи.
С юга море целебного клевера
Льёт тебе ароматы свои.

Здесь всё так же растут подорожники,
Так же в рощицах липы цветут.
Мой целитель — деревня Асошники,
Как свободно мне дышится тут!

Будем вместе с тобой славить дождики,
Слушать летнюю песню дрозда.
Принимай, деревенька Асошники,
Я приехал к тебе навсегда.

Я приехал к тебе не как ранее,
На каких-то неполных два дня.
Городской суетою изранен я,
Исцели, деревенька, меня!

Окунитесь в красоты Дединова

Если давит вас груз стресса сильного
Так, что выдержать неможете,
Загляните к нам летом в Дединово,
В фантастическую красоту.

Здесь в лугах, ароматом дурманящих,
Побродите, бальзамом дыша,
И, покинув плен мыслей, вас давящих,
Успокоится ваша душа.

Если вы потеряли любимого
Иль любимую вам не вернуть,
Окунитесь в красоты Дединова
От нелёгких тревог отдохнуть.

Полюбуйтесь, как чайка качается
На чарующей окской волне.
И поймёте вы: жизнь не кончается
И она поправима вполне.

Если к вам невезенья лавиною
Хлынут творческим планам назло,
Посетите в дни эти Дединово,
Древнерусское наше село.

Побродите вдоль берега дивного,
Помечтайте у глади реки.
И вдохнёт в вас селенье Дединово
Силы горестным дням вопреки.

Кто-то скажет: мог автор и выдумать
Край, не виданный им наяву.
Кстати, можете мне позавидовать:
Я в селении этом живу.

Алевтина Бондаренко

г. Коломна, Московская область

Время «Зарницы»

Памяти поэта

Александра Фёдоровича Кирсанова

В Полисеевском переулке
Вновь царила в садах весна.
Здесь прохожих шаги не гулки,
Здесь особая тишина.

Майский день в сорок пятом светел.
Комиссованный фронтовик
По весне любовь свою встретил,
Ну а он отступать не привык.

Всю войну он мечтал об этом:
Как на гвоздик повесит шинель,
Обязательно станет поэтом
И у дома посадит ель.

Как задумано — так свершилось.
Мчались дни, закусив удила,
И писались стихи, и бились
Песни бабочками у стекла.

А к нему уже шли учиться
Поэтическому мастерству.
И зажжёт он тогда «Зарницу»,
Что светила всем наяву.

Помню я, как однажды летом
На вопрос, что растит в саду,
Он ответил — ращу поэтов,
Если только талант найду.

А в саду поспевали яблоки,
Облаками флоксы цвели...
Наша память светлым корабликом
То вблизи плывёт, то вдали.

Меня память ведёт опять
В переулок, где ель у дома,
Где до боли мне всё знакомо —
Не утратить, не потерять.

Памяти художника Михаила Георгиевича Абакумова

Какой Россию видел он?
Пусть идеальной немного —
Лишь потому, что был влюблён
Во всё, что есть творенье Бога.

Он слышал, как «Кричит весна»,
Он видел «Вечную дорогу».
Что нам лихие времена,
Пока «Горят лампы Богу».

И этот замысел Творца —
Он говорил — постичь нам надо,
От золотого листопада
И до весеннего скворца.

«Крадётся от реки туман»,
Приходит «Время сенокосов»,
И туч тяжёлый караван
Вдаль «Ветер северный» уносит.

Так на холстах его миры
Полны гармонии и света.
На них цветут весна и лето,
Горят осенние дары.

«Над миром» журавлиный клин,
И вот «Октябрьский снег в Коломне»...
Смотрю — и, кажется, тепло мне
От яростных костров рябин.

Анна Ахматова в Коломне (1936)

Она сюда давно стремилась
Издаека, издаека,
И всё сильнее сердце билось —
Искала домик Пильняка.

Он, в этом городе освоеь,
Жил там, где Старый был Посад.
И здесь свою писал он повесть,
Назвав её «Колымен-град».

И так найти хотелось Анне
Тот дом, где жил когда-то он,
Быть может, прикоснуться к тайне
Былых коломенских времён.

Шервинский — и поэт, и друг,
Горнунг — фотограф, краевед,
Шли вместе с нею, сделав круг,
Теряя на Арбатской след.

Не отыскать его порог,
Мы все у времени в плену,
И сколько б ни было дорог,
Непросто им сойтись в одну.

Здесь Анне словно всё знакомо,
Шиповник преградил ей путь,
И на скамеечке у дома
Она присела отдохнуть.

Был этот отдых как награда —
В блокнот ложатся две строки,
И ветерок с Москвы-реки
Приносит лёгкую прохладу.

Какие давние картинки:
Вот профиль Анны, светлый взгляд...
Успел Горнунг, он сделал снимки,
Что вечности принадлежат.

Край коломенский

Распахнётся утром ранним,
Сбросив сумерки, простор.
Вновь осеннее дыхание
Наполняет каждый двор.

Подмосковные предместья,
Даль, дороги да мосты,
На траве горят созвездья,
Разноцветны и чисты.

В сарафан цветной рядится
Осень к свадьбам на селе.
Не забудем поклониться
Нашей матушке-земле.

Что кричит нам, пролетая,
Этот птичий караван?
Скоро праздник урожая
Под гармошку, под баян.

Даль Коломенского края,
Перелески да поля,
Родниковая, святая
Наша русская земля.

Калина Городецкая

г. Полярные Зори, Мурманская область

Крестины

В тёплый дождливый денёк ранней осенью в храм Животворящей Троицы, что в Полярных Зорях, приехали кандалакшане покрестить своих малышей.

Проходя мимо ограды храма, восхитились они величественными кедрами. Адели стройные рябинки и калина; радовало глаз пёстрое разноцветье трав и цветов.

У ворот храма с обильно обсыпанной ягодой рябины вспорхнули звенящие колокольчиками свиристели и шумной стайкой полетели в сторону ближайшего лесочка. В воздухе парило осенней пряностью опавших листьев. У осени — глубокие нотки духов...

Три семьи, приехавшие на крестины, собрались около ворот и быстро перезнакомились друг с другом. Стали делиться самыми первыми впечатлениями и тревогами — кто и как из будущих крёстных выучил Символ Веры.

Втайне, однако, все надеялись, что, может быть, батюшка смилостивится и даст просто прочитать по бумажке. А вдруг дар речи пропадёт от волнения, что делать-то тогда?

Вариантов рассматривалось много. Происходящее более напоминало картину перед экзаменами в школе, нежели матерей и крёстных перед крещением детишек. Неожиданно появился батюшка, отец Василий, всё и определил. Коли приехали раньше — проходите!

Пока детей (а это были три девочки, все с разницей в возрасте) мамочки переодевали, батюшка заполнял документы. Детки заметно оживились, мамы были заняты малышками, все находились в некотором волнении, и в какой-то момент, нежданно, сама собой захлопнулась дверь изнутри храма...

— Как же мы теперь креститься сможем? — заволновались тут уже всерьёз все присутствующие. — А как же выйдем, выберемся отсюда?

Батюшка, сохраняя абсолютное спокойствие, благодушно утешал их, мол, сначала покрестим деток, а потом и подумаем, как выйти из сложившейся ситуации.

— А если пожар начнётся? — вопрошала взволнованно мама младенца, — у нас даже воды нет.

Другая её подогрела:

— А если мы надолго застрянем, то, что будет с нами, дети-то с ума сойдут от голода. Мы что, так и будем взаперти сидеть?..

Но прозвучал громогласно голос батюшки, что пора приступать к чину крещения.

Однако все ещё не могли прийти в себя.

Мамочка младшей малышки, совсем ещё младенца месяцев десяти от роду, не могла найти себе места, словно не дверь захлопнулась, а ей перекрыли кислород.

Крёстная, переволновавшись, дабы не забыть Символ Веры, медленно погружалась в страх, что, не дай Бог, ещё и малышка раскритится — время на подходе, кушала давно, а ещё и дверь захлопнута...

Однако крестины начались.

— Батюшка, я так переволновалась, что всё забыла... — молоденькая крёстная большими глазами смотрела на отца Василия.

— А учила ль ты Символ Веры, дорогая? — взглянул на неё отец Василий.

— Учила, батюшка. Он мне давался трудно, старалась очень...

— Так выучила всё же? Осилила?

— Да.

— Так начинайте же.

— Батюшка, я так волнуюсь, что позабыла всё!..

— Мы не торопимся, — спокойно, с тёплой улыбкой ответил батюшка. — Чего же нам волноваться?

— Да я из-за двери, что захлопнулась, переволновалась, — отвечала, смущаясь, молоденькая крёстная.

— И чего ж вы боитесь? — успокаивающе отвечал батюшка. — Навсегда остаться в храме? Не переживайте уж, скоро выйдем...

— Но дверь захлопнулась, и без ключей мы. Что будет с нами? Как выйдем мы отсюда? — не унималась девушка.

— Домой поедете по окончании таинства Крещения! — улыбнулся отец Василий. — Это я вам обещаю.

Попыток крёстная мама много делала, но трудно вспомнить то, что ещё не вошло в душу человека...

— С вами всё ясно, — с расстановкой, негромко произнёс отец Василий. — Как же мне крестить девочку? Ведь вы понимаете, насколько важно для крёстной знание Символа Веры! Духовная мать окормляет дитя после крещения, — неспешно, вдумчиво продолжал наставлять священник. — И спросу с вас за Олечку будет более, нежели чем за тех детей, что сами родите.

Крёстная, широко распахнув глаза, смотрела на него.

— Понимаете, насколько это серьёзно? Как собираетесь оберегать, на путь духовный начать наставлять крещаемое чадо ваше?

— Я, честное слово, учила, батюшка! И обязательно доучивать я буду молитву эту.

— Ну что ж, ещё разок попробуйте, благословляю вспомнить, коли учили, — терпеливо отвечал батюшка.

Молоденькая крёстная собралась духом, смущённо поправила шёлковый платочек, и приступила к молитве.

— Верую! Во единого Бога Отца...

— Вседержителя... — рядом взволнованно шепчут, подсказывают, спасают молоденькую крёстную.

Добрый батюшка был весь во внимании, и словно вытягивал из памяти девушки молитву, предложение за пред-

ложением. Складывалось впечатление, словно крёстная и сама рождалась на свет. «Аминь», — торжественно прозвучало в завершение.

С Божьей помощью всё же дошедшая до конца молитвы, смущённо покраснела, раздумываясь, и слегка улыбалась. Однако глаза просто сияли.

— Вспомнила в самом процессе молитву, говорила же, что учила, — всё ещё пыталась оправдаться крёстная.

— А надо бы ещё и понимать, — с любовью отвечал отец Василий. — Суть молитвы постигнешь, и она сама ляжет на сердце твоё. Ну что, дорогие мои, продолжаем...

Всё же не все ещё пришли в себя.

Мама и крёстная самой младшей из девчушек всё пребывали ещё в крайнем волнении, чувствуя себя взаперти в стенах храма, и внутренне никак не могли успокоиться.

Маленькая, мгновенно проникнувшись тревогой и паническим страхом мамочки и крёстной, не заставила себя долго ждать. И, не дав даже опомниться, дитя, освободив от кружевных одежек, тут же ещё и окунули в купель...

Батюшка, бережно держа девочку, дважды ещё опустил в купель взволнованное чадо. Словно сокровище, ласково и с любовью, вручил орущую малышку в руки крёстной, которая тут же укутала её в огромное, пушистое розовое полотенце.

Старшенькая из девочек, Аннушка, уже лет шести, к купели подошла спокойно, сложила смиренно ручки. Светловолосая, сероглазая, в длинном белом, воздушном платье, стояла, словно ангел, разительно отличаясь своим спокойствием от всех остальных.

На голову крещаемой потекла тёплая, нагретая водица, звучала тихая молитва. От батюшки веяло добротой, спокойствием и благодатью.

Третья из малышей, лет четырёх, черноглазая, с пухленькими румяными щёчками тревожно смотрела на де-

вочек, на взрослых, и, чувствуя суету и волнение, а особенно, слыша плач младенца, как будто обдумывала, не разразиться ли и ей громким рёвом.

Так и вышло. Сначала всхлипывала потихоньку, потом уж совсем взгрустнула, приуныла и, наконец, разрыдалась во весь голос, и так увлеклась, что даже и родной отец не мог успокоить любимую дочь — качал, люлюкал, целовал, похоже, обещал чего-то подарить...

Пришлось крестить ревущей, коль безутешна. Ох, и разошлась маленькая! Руками машет, ножками сучит, всё тельце изогнула, и когда батюшка окунал крещаемую в купель, бережно удерживая в сильных руках, вопила, что есть мочи.

Но вот, наконец, и свершилось! Поняв, что в купель окунать больше не будут, словно её внезапно выключили, умолкла черноглазая Олечка; стояла разомлевшая, розовая, умиротворённая.

Малышка София, вновь наряженная в кружевные одёжки, мирно восседала на руках у своей крёстной.

Крестины шли теперь спокойно и неспешно, все три девочки притихли, серьёзно поглядывая на батюшку из-под ресничек.

Благодать, неведомая ранее, снизошла на всех присутствующих; легла тишиною на сердце, и крестины завершились удивительно, невыразимо легко, светло, празднично... Кажется, воздух вокруг стал другим — и они стояли тихо, чинно, торжественно.

После крестин все разом тихонько, но радостно, облегчённо загадели — мамочки и новоиспечённые крёстные обнимали своих девочек, те же поглядывали сияющими глазками, рассматривая всё вокруг.

Друг все как-то разом стихли, и даже девчушки, угомонившись, умолкли, взор свой невольно устремив на скрипнувшую в полной тишине дверь.

Дверь отворилась... Все, прибывшие крестить детей, в изумлении, хором ахнули.

— Как такое возможно, батюшка? — дружно восклицали они. — Это же Чудо, Чудо!

— А я и не сомневался, — вторил отец Василий, — Господь дарует Чудо для укрепления веры вашей!

Всё — внезапный испуг, все слёзы детские, тревоги мамочек и крёстных — тут же растаяло, словно лёгкое облако растворилось в небе...

Отец Василий выдохнул слегка, последовал в соседнюю комнатку к столу, и торжественно, с любовью улыбаясь, всем вручил свидетельства о крещении деток. Матери смущённо, тихо переодевали девочек. Пытались осознать, как же возможно такое?..

И батюшка, будто услышав шелест мыслей, тотчас же ответил:

— Богу возможно всё! Будь веры хоть с горчичное зерно, скажи горе идти ко мне, и она с места сдвинется. И дверь, что столь нежданно и не вовремя захлопнулась, вовсе и не помеха. А скорее, проверка веры вашей, всех вас, собравшихся сегодня в этом храме, — отец Василий с теплотой, но серьёзно смотрел на присутствующих.

Все выходили тихо, оборачиваясь, искали взглядом — может, спрятался кто здесь, и понимали, дверь заперта оказалась, когда вошли они уже в нижний придел храма.

И дверь храма можно было отпереть, лишь войдя туда изнутри. А тут ещё и ключ оставлен был в другом месте. Однако какие Чудеса дарует нам подчас Господь!

Вот и наших героев, пришедших на таинство крещения, соединил Господь в этот столь знаменательный и памятный день, дабы взрастить в сердцах первый росток веры.

Валентина Душина

г. Набережные Челны

Сусанна и старцы

Мистер Фальконе ведёт, не меняя маршрута,
Морщась от возгласов: Bravo! Божественно! Круто!
Древние старцы застыли в любовном томлении...
Толпы народа взирают на них в изумлении.

Дни утекают мгновеньем, столетья итожа,
Рушатся царства, и жизнь ни на что не похожа.

Воздух полуденный жаром, сгущаяся, пышет,
Полог кисейный цветами нездешними вышит.
Плечи сияют, тяжёлые падают ткани,
Рыбы в бассейне едва шевелят плавниками.

Что ж задрожала младая жена Иоакима,
Богу желанна и мужем от взоров хранима.

Мускусом пахнет, а также акацией белой,
Струи фонтана упруги и выются, как змеи.
Ланью пугливой привстав, огляделась несмело,
Тихо... Пусты и безлюдны лужайки, аллеи.

Уши Сусанны не слышат ни звука, ни шороха,
Тень стрекозы зависает над сброшенным ворохом.

Офелия

Ужель за то тебя зовут безумной,
Что сердце не взяла, свой дар,
 обратно?
Бесчестья зрят следы в улыбке
 юной
Отец и брат... богатые умом.

Ату её, в тюрьму иль жёлтый дом!

В зелёных листьях солнца
 переливы,
На гибких ветках вызревают
 сливы.
И кроток взор Офелии очей,
Не слышит обращений и речей.
Венок из трав ей лоб украсил
 белый,
Но разум спит во тьме
 оцепенелый.

Дубы, берёзы, ёлки да осины,
Бескрайние и тихие равнины.
Где Гамлет смотрит в мутное
 окно...
Зима. И всё в душе погребено.
Ветров и вьюг полночных
 ликованье,
Снегов холодных грозное
 сиянье.

В тишине жужжат старушки
всё одно и то ж,
Как Ванятку хоронили...
меж лопаток дрожь.
В благолепии увяданья
рощи и поля,
На загнетке доспевая,
пыхает кутья.
Боль моя да жаль по малому,
голытьбе людской.
Помянут. Цветочку алому
краток век земной.

Окраина боли и горя,
Прозрачны твои небеса.
Осенняя замкнутость поля,
Дороги немой полоса.

За что, за какие грехи,
Твои поселения тихи.
Рядами уходят кресты,
И жизнь исчезает безлико.

Уснул давно, уж не проснётся,
Напрасный труд пичуги свист.
Вовек душа не отзовется,
И падает осенний лист.
Могилку засыпая споро
И лес фатою кружевною,

Укрыл от бурь грядущих
скоро,
Как страж немолчный под
луною.
Поэт тут спит иль кто
другой,
Скиталец из страны
чужой?
Жаль, не придёт сюда никто
Припасть к последнему порогу.
Он выбрал Овена руно!
И к Богу вечную дорогу.

Поля безмолвствуют вдали,
И тих мой дух, и от земли
По руслам рек проходят токи,
И смотрит месяц волоокий
Во мрак высоких берегов.

В зыбком облаке туманном
Незаметной дышит жизнью
Коля, местный Караваджо,
На холсте малюет кистью,
Пишет ангельские лица
Продавщиц, бомжей и урок.
Манят Франция и Ницца...
Где любви и славы впрок.
Не хватает только денег,
Коля скажет в промежутке.

* Образ золотого руна – символ наивысшей ценности, «недостижимого». В могиле спит монах.

Ну куда себя он денет,
Так и сдохнет в кабаке.

Не скули, ну право, что ты!
У тебя в заначке годы.
Мы ещё покажем, кто мы...
Может, кто и даст займы.
Обнадёживал я Колю,
В голове густела просесть.
А в окне горела осень,
Ну а осень я люблю!

Мы поедем на трамвае
До Натана и до Геры.
Пусть водитель нам кивает,
Дребезжит трамвай без меры.
Не прожить без этой прозы,
Ну а дальше сквозь дворы,
В поднебесные квартиры,
Где зияют в кровле дыры,
Петербургских чудаков.
Те, которые с приветом,
Проживают без замков.
Просыпаются с рассветом
Записные музыканты.
Носят блузы с чёрным бантом.
И лопочут: «Exclusive».

Дева и кот

Пух от подушки... снег летит по земле,
Не утонуть бы деве в глухой зиме.
Не потерять ни заколки и ни листа,
Слов заповедных мёд на сухих устах.

Зол океан, духи воздуха пляшут канкан.
Волны до неба, пластами лежит туман.
Клочьями пена, в тучах старик седой,
Молнии, гром и вдобавок дождь проливной.

Нежась, всё слаще мурлычет ленивый кот,
Дева пьёт чай и коту говорит: «Ну вот...
Сыты — и славно, нужно немного веры —
Выжить, как те скворечни, в глубинах сквера».

Спят или бодрствуют, солнце берут на борт?
Где-то шумит за стеною заморский порт.
Кто-то тягучий эль наливает в стакан...
Кто-то плывёт в никуда по большим волнам.

*Земля же была безвидна и пуста,
и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.*

Книга Бытия 1:2

Гудит земля от множества наречий,
Что ни страна — котёл противоречий.
А ты, Единый, тот же, что когда-то,
Грозишь безумным скорою расплатой.
Но редкий раб тебя узрит средь звёзд
И примет гнев и взрыв планет всерьёз.

Нахмурившись, идёт по рыжим склонам,
И хрупкий голем припадёт к иконам.
И запоёт пустой кувшин из глины,
И вознесут стенанья херувимы.
Невинны... и покорно гнутся спины,
Невинны... усмехнётся Бог единый.

Кто мы? Озябшие дети
В дне, где пребудет печаль.
В мутном истаявшем свете
Облачна хмурая даль.

Горечь летящего дыма,
Шорох опавшей листвы.
С осенью неразделимы,
Долы и реки мертвы.

День весь, как губка, влагой пропитался,
Дым вился, поднимаясь к небесам.
Старик курил и тихо улыбался
Седому небу, низким облакам.

Листовою заносило сад и дворик,
Собачью будку, стог невдалеке.
Старик курил, и запах был так горек,
Что фыркал пёс, прижавшийся к ноге.

Дождём залитый, точно гноем,
В дрожащих кронах клочья листвы.
И грязь, подобная помоям,
В морях безрадостной воды.

Влачась, не потеряй костыль
В осенней чёрной преисподней.
Вглядись, не оборотень ль ты? —
Коль гнев тебя разит Господний.

Мечтами я, как Крѣз, богат
Весеннею порой,
Девицы юной встретил взгляд,
Спеша с полей домой.

Пой, скрипка, пой!

Сидели в бричке мы вдвоём,
Хмельные без вина,
И целовались под дождём,
Бог крикнул: «Вот те на!»

Пой, скрипка, пой!

Качались небо и кусты,
Долины яркий плат.
Взлетели разом все грачи,
А я-то как был рад!

Пой, скрипка, пой!

Прибаутка, пустобайка,
Ослик скачет, оп, оп, оп...
Заиграла балалайка,
Окрутил нас в Храме поп.

Сели да поехали!
С леденцом, орехами!
Ах, ах, хорошо!
Ах, ах, хорошо!

Реквием

Война в дома входила тихо,
Гудела грозно в детском сне.
А бабка ахала: ох, лихо!
Куда бежать с тобою мне?

Останемся — погибнем точно...
И я глядел открывши рот,
Как собирала вещи молча,
С лица стирая тряпкой пот.

Несла меня, изнемогая...
Никто нас не окликнул вслед.
Живи, молюсь я, дорогая,
Дорога снится мне, нет-нет.

Ещё раз про Икара

С ослицей было б скучно —
Ни сердцу, ни уму.
Чем жёнушка такая,
Он выбрал бы чуму.

Летел с небес со свистом.
В аду не горевать.
Великим был артистом.
А в общем наплевать.

Людишки мяч гоняют.
Сидят на берегу.
Квас водкой запивают,
Плюют через губу.

Про голубей

В глаза зима глядит сурово.
Им ворковать, ворочать слово
В темнице сиротливых дней,
«Лебяжий» пух терять и перья,
Сидеть топорщась на деревьях...

Мороз чихнёт — из льда и стали
Игла разит их без печали,
Припорошит холодный снег
Комочки тел — земной ковчег.

Нет солнца, спит во тьме глубоко,
И захлебнуться можно вздохом,
И утро не для всех придёт...
Но всё же снится им полёт.

Денег проси и здоровья, иное, что хочешь.
Что же слова малодушно, как глыбы, ворочаешь?

Ссудные дни проживая, всего и желаю:
Отче, за тех заступись, кто проходит по краю.
Милость подай, позаботься о нищем народе,
Счастья, любви ниспошли им в придачу к свободе,
Стань на амвон и начни, добрый пастырь, служение,
Чтобы упала на каждого капля прозренья.

Спи, сокровище моё,
Спит в глухих лесах зверьё.
Клоун спит, скрипач, юрод...
Яблока янтарный плод.
Плач раздёрган по ветрам,
Мрак по долам и полям.
Спят в кроватках огольцы,
Отбивают час часы.
В змея целится копьё,
Кровь окрасила шитьё.

Ты просыпаешься до свету,
Трава увядшая мертва.
И снег, облобызав планету,
Горой вспухает до окна.

Не оторвать от пола холод,
Как глыба давит на тебя.
И чувств живых забытый голод
Угаснет с чёрным мраком дня.

Сукровицей плод омыт,
Спит младенец,
правдой сыт.
Мать над ним — что птица...
Пестует, дивится.
Спи, сокровище моё,
Здесь теперь твоё жнивьё!
Тернии и муки,
вёрсты да разлуки.

Прогулка

Куда торопишься, дружок,
шурша сухой листвой?
Всему в природе свой черёд —
и смерти, мой родной.
Смотри, увял цветущий луг,
и лету вышел срок,
И осень, завершая круг,
вступает на порог.
Летит по ветру мотылёк,
мы замедляем шаг,
Ведёт гусей за горизонт,
в далёкий край вожак.
Качаясь, лёгкое перо
упало на большак,
Ты с радостью схватил его,
как счастья верный знак.
— В чём волшебство его? — шепчу,
глядя в твои глаза.
— И я за море полечу, —
с улыбкой ты сказал.
Круги рисует самолёт
по скатерти небес...
— Но нам ведь хорошо и здесь!
— Да, хорошо и здесь!

Облетели кусты над речкою,
У ворот, под окном, в саду.
Жаль, что лето, увы, не вечное,
Сердце с разумом не в ладу.

В город, в город, —
стучат вагончики,
На века занесут снега
Колокольчики, колокольчики,
Медоносные берега.

Средь горя и снега российских равнин...

Средь россыпи снега казанских равнин
Я рыба, что к солнцу встаёт из глубин.
Я ель Рождества, что сияет...
И воск, что от пламени тает.

Где мой цареградец, сапфир и алмаз,
Мой царственный лебедь, мой яростный Спас?
Лишь звёздная блещет корона
У царского ложа и трона.

На детском забытом корыте
На праздник в слезах вознесите!
Где барские парки полотнища ткнут
И совы от Савла сказанья рекут.

Прол и баба

Мужичьим потом, грязью, дымом...
Пропахли шапка и доха.
Не Прол ли вещим херувимом
Студил на Каме потроха.

Где солнца красна рукавичка
Тонула в молоке снегов.
Снегирь, сорока да синичка
Венчают зимний часослов.

Блеснули в проруби чешуйки,
Жар золотого плавника.
Играет язь в глубинах в жмурки
И прячет жирные бока.

Прол до ухи весьма охочий,
С удой волшебною в руках.

И, сколь водяник ни морочил,
Лежит тот язь в мешке впотьмах.

Вечор слагает завирушки
За самоваром потный Прол.
У бабы на носу веснушки,
Горшок с ухой пузанит стол.

Дождь

Дождь словно спица
В кружеве веток.
Крикнула птица,
Угревшая деток.

Не обольщайся,
Прельстившись узором
Ночи склонённой
В тунике пунцовой.

Брызги небесные
Гаснут в ресницах.
Словно бы горе
Смахнули тряпицей.

Взгляд просветлённый
Души не отсюда.
Неискушённой
И верящей в чудо.

Капель скольжение
По черепице...
Капля... в ладошку,
Дождик в столице.

Дыра

Оглянись вокруг себя. Ты всё ещё веришь в любовь и ищешь сказочную страну? Никто и нигде не ждёт тебя, это иллюзия, брат, это иллюзия.

Отвратительнее нашего заштатного города трудно что-либо себе представить.

Интеллектуалам здесь не место. Изящная, сытая жизнь в довольстве — об этом остаётся только мечтать. Нищенская пенсия и никакого будущего.

Чёрная майка с непонятным слоганом на груди досталась мне по случаю, купила её на одном из местных рынков. Обычное х/б, только более плотное.

Мне приятно носить её дома вместо халата, несмотря на большой размер, а может, даже благодаря ему я чувствую себя свободным художником.

Через некоторое время в ней появилась длинная прореха по горизонтальной линии вязки. Я постирала изделие и сложила в шкаф. И майка затерялась в его фантастических глубинах.

Сегодня я её случайно нашла.

Я не покупаю хлеб. Я пеку лепёшки, как первые египтяне примерно в 3000 году до новой эры, но без дрожжей. Хотя иудеи также выпекали хлеб в древние времена.

Беру пшеничную муку, добавляю по щепотке соли и сахара, перемешиваю.

Во всю эту «божью благодать» лью сметану, замешиваю тесто и даю ему постоять два часа. Соусы и мясо готовлю из имеющихся в холодильнике заготовок и припасённых заранее специй. Опресноки дышат под крышкой, на сухой сковороде.

Влезаю всеми фибрами души в свою чёрную майку, раскатываю тонкое тесто, в некоторых местах оно рвётся... попивая неразбавленное мартины.

Чёрный кофе дымится в чёрной кружке. Кружка с толстыми стенками, глиняная, со склеенной неизвестно чьи-

ми умелыми фалангами ручкой, купленная как брак. Но по своим эстетическим параметрам стоящая неизмеримо выше пребывающих на одной полке с ней подружками.

Я не барахольщица. Но кто же виноват, что то, что тебе пытаются продать в раскинувшихся на многие километры комплексах, трудно назвать качественным товаром.

Поглощение кофе для меня ритуал. Мой ум ничего не должно раздражать.

Чёрная майка представляется мне сегодняшней ночью, а прореха — дырой в космосе. Высокопарно, да. Люблю мыслить большими категориями. В этой бездонной дыре, как в детском калейдоскопе, стоит приложить трубу к глазам, вертятся мои сограждане: пацифисты, коммунисты, бездари и просто жабы, не имеющие права на жизнь. Чёрт бы их всех побрал. Правда, современному лукавому не до них. Сатана отдыхает с девочками в бане. Забивает косяк и отключает ментальную связь. Шифруется.

Огнедышащий, не просыхающий Люцифер и припадочный, неуравновешенный Саваоф ему порядком надоели. Почему-то говно всегда должен разгрести он. Уже неделя, как оба друга свалили на Канары. Плебс надоел, как они выразились, до чёртиков.

Трое суток меня мучила боль. Болела правая сторона горла, воспалилась гланда, заложило уши, головная боль была сродни взрыву планеты. Пыталась всё это погасить набором недешёвых лекарств, спиртовыми компрессами на травах, заклинаниями наряду с молитвами. Эффект ноль.

Вспомнился Фома Аквинский, чей ум просто не мог допустить и принять безначальность. И тут же в памяти всплыл анекдот.

Молодая симпатичная девушка приходит в церковь, подходит к священнику. На ней ни макияжа, ни бижутерии, одежда консервативно-строгая. Потупив голову, спрашивает:

— Батюшка, а как вы понимаете концепцию протоиерея Феофана о социально-патриархальном единении души человека с Господом Богом на основании его религиозных воззрений, высказанную для русской православной епархии в Париже?

Батюшка:

— Замуж, дура! Срочно замуж!!!

Тему бездействия Саваофа и безнаказанности Люцифера стоило бы продолжить.

Путин об оптимизации здравоохранения высказал своё мнение — полный провал — дословно!

Такое возмущение в организме давал коренной зуб под нарушенной временем пломбой.

Бежать в больницу? — но талонов в регистратуре в принципе не бывает. А иначе как бы действовали четыре этажа оказания населению платной помощи?

Лечение зуба от пяти тыс. и выше...

Особое место в прайс-листе занимала строка о наличии корней в одном зубе. В моём случае их было три. Разорят, подумала я, ознакомившись с этим «насосом» по выкачиваю денег с сограждан.

Чёрные ликом мужчины входили в кабинеты, ногой распахивая дверь.

Мой ангел-хранитель плакал за спиною, умоляя спуститься в кабинет доврачебной помощи, где он уже всё уладил.

— Но я же там была? — спросила я его. Ангел залепетал что-то невнятное.

Я вздохнула и пошла сдаваться.

Я заплатила 300 рублей за импортный укол. Зуб расверлили, мышьяк лёг на своё место, поставили временную пломбу.

Самое главное — дали талон к врачу на конец месяца. Ну хотя бы познакомлюсь и налажу контакт. Кому и сколько.

Вы думали, всё сделают тут же и сразу?

Моя душа заскулила тоненьким голоском, первыми провозгласившими бессмертие души были халдеи, и вот я её слышу, и довольно отчётливо.

Впрочем, это не тот случай, когда надо стреляться или вешаться, в авторитарных и тоталитарных системах человеческая жизнь ничего не стоит.

Солнце над нами, солнце над нами...

Про одну обыкновенную женщину

Казалось, она... она никогда не жила. Весело, гармонично вписываясь в окружающее пространство. Мир. И умирала весело, с долей хорошего позитива, и поэтому верно.

Синее летнее и бирюзовое зимнее небо с ярким горячим солнцем взирало на её жизнь с необозримой высоты. Худоба превращалась в приятную девичью округлость...

Тело под силой беспощадной системы сгибалось, заходя в мучительном плаче.

«Так жить нельзя!» — думало тело и всё-таки жило, не смотря на сломанные при родах рёбра и почти полное истекание сукровицы и крови. Медсестра, откинувшая простыню, закрывавшую бесформенный кусок человеческого мяса, отшатнулась.

Человека не было, было оно... не мужчина, не женщина, а голимая душа. Которая, умирая в этом больничном смраде, оглашаемом криками жертв, улыбалась.

Тело положили на кровать. Распалённому мозгу снился снег. Бездомный. Кружащийся, опускающийся на землю с серых и безглазых небес.

Снег ложился горкой, и голова утопала в нём.

Очнувшись под утро, существо, называемое женщиной, подумало, что хотело бы раздарить и раздать этому миру всё, что у неё есть, кроме ребёнка.

* Из репертуара хиппи.

Чтоб все наконец были счастливы и довольны. Поэтому она отказалась от своей квартиры в пользу бывшего мужа. Мучительная картина лишений и человеческих трагедий вставала перед её глазами. Вечная скорбь стала её подругой.

Иногда она заходила в Храм и вглядывалась в глаза мучеников. Встречая то же торжество боли, что носила в себе.

Чёрный мир, как старый аккордеон или механическое пианино, издавал свои хриплые звуки. Дребезжали трамваи, кричали галки, и смерть становилась всё более ощутимой, подступая на шагок ближе.

Её собственные фотографии прописались в альбоме, картонном муляже гроба. Они иногда открывали рот, но их никто не слышал.

Она вязала кружевные салфетки и раскладывала их по поверхности столов, ощущая почти физическую боль. Научилась ничему не удивляться, говорить спокойным голосом, соприкасаясь с жуткими вещами, хоронить себя под спудом лет.

И только в редких снах, венчающих бесконечные бессонные ночи, проведённые у кроваток детей, она отворачивалась от этого стыдного и безжалостного мира.

Знала, что она не исчезла, а только стала уменьшаться, чтоб превратиться в прах.

Дядя Коля и тётя Маша

После Отечественной войны и разрухи, когда всё налаживать и начинать надо было заново, а яркую насыщенную событиями жизнь люди видели только в кино, ходил народ к дяде Коле и тётё Маше за духовной поддержкой, обогреться.

Когда я с мужем в 1979 году приехала в Брянск, а было мне на то время девятнадцать лет, дядю Колю уже почи-

тали как святого. Ибо молился он день и ночь и давал людям поучения, как им жить дальше.

Запомнился мне зелёный уголок улицы на окраине, к которому подступали многоэтажные дома, калитка, маленький домик, состоящий из тесного узкого коридорчика с кладовочкой в конце и двух крохотных комнаток, спальни и столовой.

В спальне стояло две кровати. У одной стены — нарядная, с белым подзором и множеством подушек в вышитых наволочках, для тётки Маши, а у другой — застеленная ватным одеялом, с подушкой в серой наволочке, на которой всегда полусидел, отдыхая, дядя Коля.

Передний угол был завешан иконами, перед ними горела красная лампадка, в которой трепетал язычок пламени. Также там стоял большой высокий комод, на котором лежали книги. В нём тётка Маша хранила бельё.

Мягкий рассеянный свет, льющийся из окна, придавал предметам праздничный вид.

Меня посадили на табурет перед дядей Колей, и он стал меня расспрашивать о родителях, откуда родом.

Я отвечала опустив глаза, а потом и вовсе замолчала. Застеснялась. Изредка незаметно бросая взгляд на ковёр с оленями за спиной дяди Коли.

Дядя Коля был мужчина небольшого роста, с широкими плечами, жилистыми руками, вместо одной ноги культя.

У кровати стоял деревянный тяжёлый и неудобный протез на ремнях.

Лоб у дяди Коли был широкий с большими залысинами в седых коротко остриженных волосах. Небольшие острые глаза цвета льда под кустистыми бровями, крупный, словно рубленый нос. Две полосы сжатых синих губ. Впалые щёки под выпуклыми скулами. Цвет лица жёлтый, кожа как пергамент. Он был нездоров, и его мучили боли.

Я ему понравилась. Он пытался меня разговорить, но это было непросто. Перед тем как идти к нему, мы с мужем долго совещались, можно ли есть покупную булочку в пост (нет ли в ней масла). И будет ли прилично купить и принести в подарок бутылку кагора.

Мы с мужем после свадьбы обвенчались, так что особых вопросов у дяди Коли к нам не было.

Он больше на житейское обращал наше внимание. Советовал хранить деньги не в сберкассе, а дома.

— Заработанные деньги надо делить на три части. На одну часть жить, вторая часть денег для того, чтоб тратить на богоугодные дела, а третья на непредвиденный случай, её касаться нельзя, — объяснял дядя Коля.

О себе дядя Коля рассказал, что был на войне и не погиб потому, что у него в натальной рубаше матерью была защита молитва с иконкой, на груди висел крест... Богородица заслонила его от взрыва, не дала погибнуть. Он её видел вживую. О чём и проповедовал всю свою жизнь.

Вернувшись после войны из госпиталя в город, у колодца он встретил тётю Машу, которая и стала его спутницей жизни.

Потом мы сидели все вместе за круглым столом и ели постный суп с вермишелью.

Пили чай.

Спать нам постелили вечером на полу в спальне.

Посетители шли к дяде Коле нескончаемой чередой, приезжали и из близлежащих районов.

У одного мужика бараны стали болеть и умирать, у другого хозяина лошадь не разродилась, вытаскивали мёртвого жеребёнка за ноги, привязав верёвку, совместно с ветеринаром. Дядя Коля знал всё. Что, как и почему то или иное событие произошло.

Женщины шли с семейными секретами. Муж стал гулять, дочь посватали, надо замуж отдавать, а она ранее девственность потеряла. Согрешила с другим парнем.

Как правильно держать пост при болезнях, в какой день разрешено венчаться, кого взять в крёстные ребёнку? Как подойти к батюшке по тому или иному вопросу? Всем страждущим был дядя Коля помощник и опора.

Как добрый пастух, оберегал и наставлял неразумных, чтоб не встали по глупости на ложный путь, ибо истинно верующему человеку чаще выпадают испытания.

— Упаси Господи вас совершить роковую и непоправимую ошибку! — часто говорил он. — Бес-то — он рядом, не дремлет!

Время не щадит никого... Уже давно нет в живых ни дяди Коли, ни тётки Маши. И уже мы сами ведём своих детей и внуков по узкой дороге к Богу. Стараясь заслонить от бед, уберечь от искушений.

Вспоминаю добрым словом своих учителей и наставников — и на сердце становится теплее. Не было в жизни для них мелочей. Всё, что касалось души и здоровья, было важно.

Закрою глаза и вижу, как тётка Маша снимает с пальца золотое обручальное колечко и надевает совсем старенькую шаль вместо новой и пушистой.

— Из Собора возвращаться по темну, лучше не искушать жадных до чужого добра людей, — отвечает мне она на мой немой вопрос, прочтя его в моих удивлённых глазах.

...Дядю Колю, который старается шутить, не зная, с чем ко мне подступиться.

...Себя, обомлевшую во время венчания.

А нынче надо постараться и все дела довести до конца.

К Богу надо идти сияя как свечка, чтоб и другим идущим не плутать во тьме.

А то как без света-то?

Раз сердечко, два сердечко

С кем ещё можно переходить дорогу взявшись за руки. Семенить по протоптанной среди сугробов узкой дорожке друг за другом и радоваться, восторгаться тому, что шоколадные маффины не купили, потому что сегодня их не пекли, но зато взяли два рожка клубничного мороженого дополнительно к двум купленным ранее трубочкам «Лакомки». Что в пакете лежат два сырка с изюмом и весомый кусок сыра «Ламбер», а также ещё много чего вкусного и полезного.

К тому же мы идём не просто в никуда, а в волшебную лавку по вычищенному тротуару со спешащими в обе стороны прохожими.

Болтаем, останавливаемся, глядим на пробегающую собаку, на гадающих в кронах высоких деревьев ворон.

Там, куда мы идём, всё дёшево, можно купить огромный леденец за пять рублей, а мармелад за десять рублей.

Вот так, невзначай, возвращаешься в страну детства. А ещё говорят, что ни дорог, ни счастливых билетов туда нет. А мне, цинику и скептику, достался.

Мороз бодрит. На улице минус двадцать градусов. Солнышко сияет вовсю.

В руках только дамская сумочка. А вот у того, кто рядом, кроме пакета, в другой руке появляется неизвестно откуда большая палка.

И этот кто-то с красными щеками и большими зелёными глазами объявляет себя китайским императором. Рьяно начинает сшибать головы невидимых врагов и кричать что-то на чужом языке.

Я вздыхаю, останавливаюсь и люблюсь небом. Через некоторое время «китайский император» просит не сердиться и взглянуть на его работу.

На девственной белизне клумбы нарисовано сердечко с инициалами «В + Д» (Валюша плюс Давид) и надпись: «Я тебя люблю!»

Я хмурю брови:

— Веди себя прилично! Некрасиво привлекать к себе внимание людей! — но, идя по дороге, и сама не замечаю, как, задумавшись, начинаю улыбаться. Кому я говорю... тому, кто хочет стать рэпером и врачом.

— Ты меня любишь, да?! — спрашивает внук.

Время от времени он поселяется у меня на неделю-две. Я оставляю все дела.

Вместе мы делаем уроки, смеёмся, кушаем, спим, гуляем, а по вечерам замирая смотрим детективы, где главные герои продажные олигархи, полицейские, воры в законе. Много убийств, крови и денег.

Елена Золотавина

г. Москва

На перекрёстках мимолётных дней

На перекрёстках мимолётных дней,
Средь суеты и городских забот,
В горниле серых будничных путей
Случается, что человек не тот
Шагает рядом меж твоих друзей.

Бывает, что в большой толпе людской
Случайно, просто мимо проходя,
Вдруг вздрогнешь — погоди, постой!
И, чью-то спину взглядом проводя,
Почувствуешь, ведь там — товарищ твой.

Сумеет только сердце распознать,
Кто свой, кто, к сожалению, чужой,
Кому дать шанс с собой идти опять,
Чтоб в этой жизни нашей непростой
Друг друга никогда не потерять.

Елена

Агарковой Е.А.

Стремилась к Трое корабли,
Борта судов лизала пена.
Средь моря, в милях от земли,
Звучало пламенно — Елена!

И, разрезая вод поток,
На смелый бой, судьбы не зная,
Вернуть похищенный цветок
Друзья спешили Менелая.

Там десять лет прошли как день.
Когда в конце упали стены,
От чувств осталась только тень
В угасшем сердце у Елены...

Через минувшие века
Легенда древняя струится,
Взывая к нам издалека
Иных былых красавиц лица.

Но среди многих тысяч дней
И звёздных лет не знает тлена
То имя — нет его милей,
Как солнце светлое — Елена.

Доныне образ не угас
Прекрасной девы Ойкумены.
Но всё ж теперь волнует нас
Лишь современная Елена.

Елена — друг, Елена — мать,
Красива сердцем и душою.
Даны ей крылья, чтобы стать,
Как ангел, преданной женою.

Она заботой окружит
Зимою в стужу, летом ясным.
Устроит дом, наладит быт.
Она всегда во всём прекрасна.

Я верю, с краешка Земли,
Когда — не знаю, непременно
Стартуют к звёздам корабли
С чудесным именем «Елена»...

Мария Зинина

г. Рига, Латвия

Маленькое счастье

Улыбалась...

И была причина —

торопясь, держа тюльпаны, розы,
на колени бережно мужчина
положил ей веточку мимозы.

И промолвил голосом негромким:
«Поздравляю! Счастья Вам, удачи!»

До плеча дотронулся легонько,
и казалось — солнце стало ярче...

Позабыты горести, ненастья,
и печаль сегодня не тревожит,
подарил ей маленькое счастье
незнакомец, попросту —
прохожий.

Вспоминая молодости краски,
за ватагой детской наблюдая,
в инвалидной старенькой коляске
улыбалась женщина... сидя...

Ольга Колокольцева

г. Саратов

Мамины руки

Я помню твои руки, мама,
Ты тихо гладила меня по голове,
И пряди в косы нежно заплетала,
Всё это было наяву, а не во сне!
И руки мамочки, я знала,
Успеют сделать всё, всегда, везде:
Они и гладили, и шили, и стирали,
Вязали шали, варежки, носки!
А тесто как они месили:
Чуть свет и пирожки уж на столе,
И на пороге нас при выходе крестили,
И делали вкуснейшее суфле!
Лишь к ночи руки до тетрадок доходили,
Конспекты, планы, сочинения учеников,
По вечерам, я помню, ещё родители звонили,
И мама в трубку повторяла: Иванов, Титов, Петров...
Ты каждый день, как в колесе крутилась:
Семья, работа, дети, дом,
Ты не кричала и никогда не злилась,
А по ночам подарки мастерила нам тайком!
Мне кажется, руками в детстве ты меня лечила:
Ушибы, ссадины и кровь рекой,
В руках твоих была особая сверхсила,
И называла я её любовь!
Натруженные руки, мама, положи на стол,
Я буду гладить каждую морщинку,
А руки мамы пахнут лишь теплом,
И пусть они прижмут к груди свою кровинку!

04.10.2022 г.

Спасибо за любовь ко мне...

Я знаю, милый, ты любишь меня,
Родной, я чувствую это!
Твоя любовь с годами спокойна, нежна,
Я много лет твоим теплом согрета!
Твоё плечо и бережность ко мне
Нельзя измерить ценностями мира,
Я повторяю твоё имя в тишине,
И до сих пор люблю тебе читать Шекспира!
Не передать мне состояние души,
Ты столько лет со мною рядом,
Мне повезло: мы на одной волне,
И в этой жизни ты — моя награда!
Готовы без умолку говорить и спорить,
И вместе пересматривать кино,
Как в молодости, не устаю я тараторить
И хохотать, когда смешно!
Мне нравится с тобою любоваться листопадом
И уток в парке хочется вдвоём кормить,
А главное — всегда быть рядом,
Не забывая Господа за всё благодарить!
А если вдруг отправлюсь в Арктику, на льдины,
То точно ты последуешь за мной,
Сказав: «Родная, там пингвины,
Животики почешем им с тобой!»
Умеешь выслушать ты в сложные минуты,
Поддержишь, если трудно мне порой,
Остались в прошлом все мои причуды,
Возможно, ты подарен мне судьбой?!
За эти годы ты тоже изменился,
Здесь обстоятельства сыграли роль?!
Ты чьей поддержкой заручился?
Теперь я знаю твой пароль — любовь!
Готов сейчас из-за меня свернуть ты горы,
И безрассудные поступки совершать,

Мечтаешь вывезти меня на море,
А я готова без конца тебя прощать!
Мне кажется, когда мы вместе,
Сердечки радости летят из наших глаз,
С успехом пройдены все жизненные квесты,
И любим вновь, как в первый раз!

17.10. 2022 г.

Памяти моих родителей посвящается....

А есть любовь на белом свете?
Я точно знаю — есть любовь...
Об этом не написано в буклете,
Но много ей посвящено стихов!
И вспоминается мне давний случай,
Визг тормозов и женщина в ночи...
Меня сейчас, пожалуйста, послушай,
Рассказ мой о большой любви!
Районная больница, кровь и ужас,
Ушибы, кома, травма головы,
Врач сделал вывод, нас не дослушав:
И это был как звук упавшей булавы!
— В её-то возрасте... Не встанет...
Надежды нет... И не пришла в себя!
Душа её пред Господом предстанет,
Молитесь, очень уж она слаба!
Но поражал врачей седой мужчина,
Муж, проживший с нею много лет,
Он приходил в одно и то же время,
И лишь твердил: нет, смерти нет!
Рассказывал ей о погибших детях,
И о её спасении он Господа молил!
— Одни с тобой остались мы на этом свете...
Какой же вкусный супчик я тебе варил!

В палату постоянно приносил цветы,
Обновки, фрукты, кольца,
И нежно гладил щеку сквозь бинты,
И называл жену — мой лучик солнца!
Он сообщал, что вечером дадут в театре,
Вполголоса ей песни напевал,
И шёпотом рассказывал ей сказки,
И вспоминал её любимый сериал!
Когда врачи вновь говорили,
Что нет надежды никакой,
Он повторял, как жизнь они прожили,
В ответ мотал упорно головой!
И продолжал надеяться и верить,
И Господа просил жену не оставлять:
— Я не могу врачам поверить...
С кем век я буду доживать?
И как же радость передать в тот миг:
Ресницы женщины моргнули,
И вырвался у мужа крик:
— Она рукою шевельнула...
Глаза немного приоткрыла,
И прошептала: «Не уйду!
Нас вновь любовь соединила,
Спасибо, я тебя люблю!»

2021–17.12.2022 г.

Белые тюльпаны

А подарите мне тюльпаны в декабре,
Их грациозность впечатляет,
Изысканность сравнима с солнцем на заре,
Когда оно встаёт и пригревает!
Хочу весну и белые тюльпаны,
Они необычайно хороши,

Нежны, божественно красивы,
Вдохнуть их аромат ты поспеши!
Скорее уходи, зима,
С морозами, метелями,
Я принесу домой тюльпан,
Он дарит вдохновение!
Цветы поставлю на столе,
Они так долго были для меня мечтою,
Изящество на хрупком стебельке,
Что прячется за лепестками с бахромою?
Тюльпаны белые — букет мечты,
О светлых ангелах они напоминают,
Чарующая прелесть простоты
Мне сразу настроенье поднимает!

08.12.2022 г.

Сильная женщина

Сильная женщина не плачет,
Характер у неё суров,
С соседками попусту не судачит,
Душа закрыта на засов!
Ей жизнь не кажется волшебным раем,
И исполняет роль она на бис,
Мы никогда её проблемы не узнаем,
И каждый день её как бенефис!
И от забот своих устала,
Знаком ей вкус мужских обид,
Бывало, каждую копеечку считала,
Всегда надеялась, что победит!
Не жалуется, что бывает больно!
Улыбка на лице всегда,
А в сердце есть надежда,
Что для кого-то и она — мечта!

18.12.2022 г.

Алексей Курьянов

г. Коломна, Московская область

Дедушка болеет, или «Ура, мы едем на «фазенду!»

Дедушка вчера получил пенсию и это самое... усугубил, в общем. И даже очень. До исполнения русских народных песен в громкий слух и популярного матросского танца «Яблочко». В результате чего сегодня утром получил по полной схеме от бабушки и от снохи. Очень приятно. Ему бы, бедняжке, в данный момент попить чего... Хоть какого-нибудь взбодряющего восстановительного напитка...

Сейчас он сидит в большой комнате перед телевизором, вроде бы смотрит какую-то передачу, а сам такой прямо тихий, скромный и до невозможности несчастный, что... В общем, представляет из себя совершенно потерянный вид. Нет, это прямо невозможно смотреть на такие его душевные страдания!

В комнату осторожно заходит внучка Катя. Исподлобья смотрит на дедушку и начинает подозрительно шмыгать носом. Да, ей его жалко! Ну и что, что позволяет себе иногда усугубить? Он, зато, храбрый! У него, зато, орден есть! Он даже из танка стрелял в пору своей героической молодости! Он, может, даже попал этим своим танком в коварного врага! Катя хмурит брови и надувает щёки. Жалко-то жалко, но жалость эту показывать никак нельзя. Категорически. В воспитательных потому что целях. Так мама говорит. Она, мама, знает. Она учительницей работает и всех прямо-таки заучила, как надо правильно по-русски говорить и писать, и какие литературные книжки читать, чтобы окончательно и бесповоротно помнеть.

— Болееешь? — строго спрашивает Катя и, не удержавшись, выговаривает, явно подражая бабушке. — Каголик!

— Голова болит, — жалуется бабушка и делает такое страдальческое выражение лица, что у Кати прямо сердце начинает разрываться от жалости.

— Мозг? — понимающе — участливо спрашивает она, по-прежнему хмурясь.

— Мозг, — покорно соглашается бабушка. — И все остальные части моего несчастного тела.

Катя воровато оглядывается на кухонную дверь (где там бабушка? Ничего не видит?) и, наклонившись, лезет за книжный шкаф. В руках у неё появляется чайная чашка из игрушечного набора.

— На, — протягивает её бабушке.

Глаза у «бедненького-несчастненького» моментально оживляются.

— Это что?

— Лекарство, — и прикладывает палец к губам: тихо! И давай быстрее, пока бабушка на кухне!

Дед быстро выпивает. Лицо его разглаживается, на нём появляется довольная улыбка:

— Откуда взяла?

— Из твоей бутылочки отлила, — заговорчески шепчет Катя. — Ещё вчера, когда ты песни пел.

— Зачем?

— Ты же всегда жалуешься, что надо бы для лечения оставить. Вот я и оставила.

— Какая же ты у меня умная, — растроганно говорит бабушка. — Прямо шпион в тылу врага! А я и не заметил.

— А ты уже плясал, когда я отливала, — признаётся Катя. — Вприсядку. Прямо, как матрос. Ты, оказывается, и плясать умеешь! — с уважением добавила она. — А всегда говоришь, что коленки болят и не сгибаются!

Бабушка покраснел. Пляску он помнит очень смутно. Гораздо хуже исполнения песни.

— А чего вы здесь делаете? — вдруг раздался звонкий и громкий голос. Это Маша, вторая бабушкина внучка.

Катя оборачивается, показывает ей кулак: молчи, предательница! Раскричалась тут, как певец по телевизору!

— А-а-а, алкоголизм! — громко и радостно говорит Маша. Нет, это прямо возмутительно! Она чего, совсем, что ли, не сочувствует дедушкиному душевно-мозговому состоянию?

— Я, прям, удивляюсь! — продолжает она, обо всём уже догадавшись и поэтому машет рукой, чтобы Катя побыстрее прятала эту злополучную чашку. И говорит она нарочно громко, чтобы бабушка ни о чём не догадалась. — Это ведь прямо гадость — алкоголь! Горько и вообще! Лучше бы ты, дедушка, варенье кушал! Или шоколадки!

Услышав такое дикое предложение, дедушка невольно поперхнулся и закашлялся.

— Не в ту горлу попала, — со знанием дела объясняет Катя и стучит деда кулачком по спине.

— Надо соточку вдогоночку, — повторяет она явно чьи-то чужие слова, продолжая энергично работать кулаком. — Проскочила?

— Угу, — мычит дедушка, вытирая выступившие на глазах слёзы.

— Не бойсь! — бывало-развязным тоном заявляет Маша. — Сейчас полегчает.

— Всё-то вы знаете! — льстиво соглашается дедушка. — Прямо золото, а не девочки!

— Шты ты! — всё так же бывало — развязно говорит Маша. Этому «шты ты!» она научилась у дедушкиного товарища Мироновича, тоже того ещё пенсионного «усугублятеля». У него тоже имеется неутомимая, несмотря на почтенный возраст, любовь к алкоголю. Только он в отличие от дедушки не пляшет, потому что имеет ноговой протез. Он сейчас тоже, наверно, скучает после вчерашнего.

— Идите завтракать, — говорит бабушка, появляясь в дверях. Все трое проходят на кухню и садятся за обеденный стол. Бабушка раскладывает по тарелкам яичницу

и салат из огурцов и помидоров. Строго посмотрев на деда, вздыхает и открывает холодильник. Дед, как коршун, замерев над тарелкой, искоса наблюдает за её загадочными многообещающими действиями.

— На вот, Вань, подлечись... — хмуро говорит бабушка и ставит на стол бутылку с пивом. Дедушка довольно крикает.

— У, хулиган! — и бабушка для порядка грозит ему пальцем. — Пользуешься моей слабыхарактерностью!

— А зато как песни поёт! — тут же кидается на его защиту Катя. — Про танки грохотали! Прямо, как певец по телевизору, без всякого микрофона!

— И не дерётся! — уточняет Маша и добавляет. — Как твой любименький Барбоса.

Барбоса, или точнее — дон Хуан Барбоса — это один из главных героев киносериала, который каждый вечер смотрит бабушка. Барбоса — довольно мерзкий типчик с усиками щёткой и в широкой шляпе под названием «сомбреро». У него очень неприятный взгляд и кулаки, которыми он иногда (но не каждую, конечно, серию) лупит почтенную донну Хермунду, которая любит красавца Риккардо, который тоже с усиками и тоже в шляпе, но только он, в отличие от этого мерзкого Барбосы, никого не лупит, а только всем подряд улыбается, как дурачок какой. В том числе, и несчастной Хермунде.

— И никакой он мой не любименький! — возражает бабушка. Она (вот чудачка!) очень близко к сердцу воспринимает все эти придурочные кинострасти, а всякие барбосы и хермунды для неё всё равно, что родные.

— А чего же ты его тогда смотришь? — ехидно спрашивает Катя. — Он же прямо, наверно, фашист! Как Гитлер!

— Ну, это уж ты, Катя, совсем... — бабушка даже опешила от такого сравнения. — Придумала тоже!

— И вообще, я, прям, не понимаю этих многих серий! — категорически заявляет Маша. — Это, прям, какая-то настоящая слюня!

— Это кто тебе так сказал? — обиженно прищурившись, спрашивает бабушка.

— А папа!

— Ну, конечно! А зато его хоккей — это не слюня! Эта самая настоящая драка!

— Хоккей — это спорт! — не соглашается Катя. — Мускулы! «Спартак» — чемпион!

— «Спартак» — это не спорт, а футбол! — поправляет её Маша. Она вообще-то умная. Она в музыкальную школу ходит, на занятия по виолончели. А Катя в «музыкалку» не ходит. Она хотела, чтобы её записали на барабан, но барабановую музыку в музыкальной школе не преподают. А больше ей из музыки ничего не нравится. А на барабанах можно и дома стучать. Например, ложками по табуретке. А чего? И очень даже похоже! Ведь главное в барабанах что? Правильно, оглушительность!

— И футбол — это с мячиком! — продолжает Маша. — А хоккей — это дядька без зубов. Который небритый. И звать его — Овечка.

— Это не звать, а фамилия! — тут же возражает Катя (она очень принципиальная девочка, и всегда за справедливость). — Овечкин! А зубы ему совершенно необязательно! Он чего там, на лёде, кушать, что ли, собирается! И вообще у него вместо зубов — клюшка!

— А вы кушать собираетесь или нет? — строго говорит бабушка. — Специалисты-хоккеисты! Лучше бы сказки смотрели!

— Ага, — саркастически соглашается Маша. — Про Хрошечку-каврошечку.

— А что? — говорит бабушка. — Очень хорошая сказка! Вот и дедушке очень нравится. Правда, дедушка? — и строго смотрит на него. Дескать, только попробуй не согласишься!

— А как же! — охотно соглашается дедушка и с удовольствием допивает пиво. Судя по пободревшему виду и звонкому голосу, Катина чашечка и бабушкина буты-

лочка произвели на него ощутимое лечебное действие.

— Конечно! Очень хорошая сказка!

Маша: — А современным, между прочим, детям эти твои любименькие сказочки про разных там козлёночков совершенно, между прочим, непривлекательны!

Дед (раздражаясь): — Ну, конечно! Вам же этих дурацких ниндзей подавай, мерзких черепашек!

Катя: — Ну, вот совсем вот уж и нет, пожалуйста! Лично мне, например, Шрек нравится!

Дедушка (ехидно): — Это толстомордый такой головастик, у которого уши дудочкой?

Катя: — Зато хороший. И добрый. И водочку не пьёт в отличие от некоторых.

— Да, Шрек лучше! — согласилась с ней Маша.

— Ага, — кивает дедушка. — Хороший. И водочку не пьёт. А от чего же у него тогда печень больная? От варенья, что ли?

— И никакая она у него не больная!

— А чего же он тогда такой зелёный? — продолжал рассуждать дедушка, этот невозможный в своей ехидной рассудительности человек (вот и оставляй ему после этого утреннее лекарство!). — Нет, это точно у него печёнка барахлит. Алкогольный цирроз. Я видел таких, когда в больнице с язвой лежал. Страшное дело! Не жильцы.

Дискуссия по поводу здоровья любимого мультипликационного героя грозит разгореться с новой силой, но в это время раздаётся звонок в дверь. Это с ночной рабочей смены пришёл папа — любитель хоккея и нелюбитель Хермунды.

— О, яичница! — радуется он и протягивает дедушке бутылку пива.

— Ешь пока салат, — говорит бабушка. — Сейчас и тебе пожарю.

— Какой же ты, дедушка, счастливенький! — притворно вздыхает Маша. — Все прям о тебе заботятся! Ты прям, как герой! И прям пиву тебе приносят и ещё, может, кой

чего! (в ответ на этот язвительный намёк Катя набычивается и, сурово поджав губы, глядит на сестру беспощадным взглядом).

— А вот о нас, несчастненьких, никто так не заботится! — продолжает жалеть себя и сестру Маша. — Хоть мы и не алкоголь!

— Ох уж бедненькие-несчастненькие! — иронично хмыкает папа, усаживаясь за стол. — Трёхлитровую банку варенья слопали за один присест — никто даже моргнуть не успел! Это куда же в вас, несчастненьких, только столько влезло!

— А, может, у нас аппетит такой! — не смутилась Маша. Она вообще умеет достойно ответить, и вообще считает, что лучшая оборона — это атака. Может, её этому тоже там, в музыкальной школе, учат? — Может, нам с Катей витаминов не хватает!

— Ну, конечно, витаминов! (Нет... этот папа, он прямо такой недоверчивый! А ещё ударником труда работает на своём заводе!) Тогда лучше сметану ешьте! Всё больше пользы!

— От сметаны жирность в человеке появляется, — быстро и совершенно справедливо возразила Маша (И откуда она только всё на свете знает? Ведь про сметану ей в «музыкалке» наверняка не преподают!). — Там, на сметанной банке, так и написано — три процента жирности. Будешь кушать сметану — будешь жирной, как слон.

— Вот я и говорю: хотел вам шоколадки купить, но подумал: куда вам ещё и шоколадки-то после целого корыта варенья!

— И не купил? — быстро спросила Катя.

— Конечно, нет!

— Жадность, — понятиливо кивнула Маша. — Никакой культуры.

— Да нате! — засмеялся папа и достал из кармана три «Алёнки», — Вам и бабушке. А то сразу «жадность»! Это

когда я жадился-то? Ну, чего? На «фазенду» поедем? Денёк-то вроде разгуливается!

— Ура! — радостно закричали девочки. На «фазенде» им очень нравится. Там лес, в который разные несознательные дачники выбрасывают полиэтиленовые пакеты с мусором, и пруд, в котором плавают лягушки и дети под бдительным присмотром, чтобы все сразу не утонули. Там, на «фазенде», шалаш можно построить, если у дедушки доски с гвоздями утащить, и на забор залезть, чтобы смотреть на коров и поезд — «Качуру», который ходит от Озёр в Голутвин и обратно, и всегда гудит, если кого хочет задавить. И вообще, там прямо такой лечебно-питательный воздух, который очень укрепительно действует на ослабленные городом детские организмы! Лучше прямо всяких яичниц с рыночными огурцами и помидорами, аптечных витаминов, магазинных шоколадок и домашних трёхлитровых банок с клубничниковым вареньем!

Александр Ларионов

г. Екатеринбург

О Добре и Зле...

Добро и Зло, как Свет и Мрак,
Извечно в жизни нашей рядом.
И Ты к Добру свой первый шаг,
Родившись, делаешь когда-то.

Мы все тогда чисты душой,
В ней нет ни злобы, ни обмана,
Готовы жизни путь большой
Пройти с Добром к судьбе желанной.

Добру Господь нас учит всех,
Оно в тех заповедях честных,
Где Зло творить — смертельный грех,
И это каждому известно.

Нести Добро всегда другим,
Дарить тепло своё и сердце!
Всем тем, кто страдает, — помоги,
Чтоб каждый мог тобой согреться!

Но где ж рождается то Зло,
Что жизни губит, поколенья?
Оно как вирус к нам пришло
И счастье гасит чёрной тенью.

Лишь Зависть порождает Зло
И в души вносит миг обиды,
Когда: «Кому-то повезло,
А мы вот Господом забыты!»

И этот, испокон веков,
Прок людской — всех войн причина!
Лишь Зависть, Жадность — мир таков —
В итоге только в том повинны!

Но на планете нашей Русь
Лишь в Доброте людей растила,
Хоть Зависть Злобой чёрной пусть
Всегда старалась взять нас силой!

Просторы пашен и лесов,
Хрустальных рек и гор вершины —
Источник мощи, Ты готов
Зло вновь, в который раз, отринуть!

Детей своих покой и сон,
Любовь и жизни мирной счастье
Мы защитим и напрочь, вон,
Сметём метлою Зла напасти!

Галина Мак

г. Гагарин, Смоленская область

Доброе утро

Так приятно проснуться под пение птиц,
Чтоб улыбкой приветствовать новое утро.
И на солнце взглянуть сквозь дрожание ресниц,
И привет передать в своих мыслях кому-то.

И подумать о важных простых мелочах,
Без которых прожить мы сумеем едва ли.
То, что сложно порой передать на словах,
С птичьим пением в душу само проникает.

Время мечтать

Такие чистые и невесомые
Снежинки кружатся там, за окном.
Как будто старые мои знакомые
Пришли напомнить мне о былом.

Поведать тайное о неизбежности,
Сказать, что сущее всё суета,
Что не хватает нам тепла и нежности,
Вселенной ценится лишь доброта.

Зима укутает волшебной сказкою,
Замедлит времени безумный ход...

И что-то важное произойдёт.

Ирония судьбы

Мы зимой часто слышим: «депрессия», —
А по осени слышим: «хандра».
Но узнала я, что значит «весело»,
Там, где в общем совсем не ждала.

Коридорами травмотделения
Ковыляла, и слёзы в глазах...
Вот такое случилось «везение»
В новогоднюю ночь, просто крах.

Шла из душа, и вот совпадение,
До палаты рукою подать,
Боль пронзила, стою в исступлении,
Да откуда здесь помощи ждать?

Вот навстречу идёт добрый молодец,
Ноги, шея и руки в бинтах...
Посмотрел на меня распрекрасную,
Понял — еле стою на ногах.

«Есть у нас с корешами традиция:
Ходим в баню всегда в Новый год!»
Этот фильм уже скоро приснится мне,
Поддержал, молодец, вот даёт!

Так смешно мне давно уже не было,
По щекам только слёзы текут.
«С лёгким паром»... вот это ирония!
Ты бы знал, что Галиной зовут...

Александра Меньщикова

г. Курган

Мечта лягушонка

Сказка

Малыш-лягушонок на кочке сидел,
Малыш-квакушонок на воду глядел.
Рядом лежало большое полено:
— Водицы здесь будет мне по колено.

Прыг на полено, где глубже нырнул.
Наплавался вдоволь и крепко заснул...
И снится ему — он по морю плывёт,
Медузы ведут вокруг него хоровод.

На волнах, как в люльке, качались они,
Как будто бы в море цветы расцвели.
Вот розовым цветом большая плывёт,
Медуза поменьше — пионом цветёт.

Сиреневый цвет и голубенький есть.
Да столько их много! Ну просто не счесть.
Нырял лягушонок среди красоты,
Уж лапки устали так долго грести.

К медузе поближе приблизился он,
Казалось, к нему прикоснулся огонь,
Или крапивой его обожгло.
— Ну не-е-т, не пойдут так, — сказал он, — дела...

Сидит лягушонок на гребне волны,
И галечный берег он видит вдали.
Причалил он к берегу с пенной волной
С бесцветной медузой совсем небольшой.

Солнышко грело и так стало жарко,
Кроха-медуза лежала на гальке.
— Ох, ах, погибаю, — взмолилась она,
— Спаси поскорей, лягушонок, меня.

Набрал лягушонок воды полный рот
И на медузу старается, льёт.
Но тут накатила крутая волна,
Кроху-медузу с собой унесла.

Был рад лягушонок! Медузу он спас.
Слегка потянулся и сон прошёл враз.
— Я дома! На кочке болотной сажу.
Я маме-лягушке про сон расскажу.

Пусть мама узнает, как кроха-сынок
Спасти от жары медузе помог.
Что горько-солёная в море вода,
И пресной не будет она никогда.

День добрый и яркое солнце палит,
Малыш-лягушонок за кочкой сидит.
Мечтает, как только придёт к нему сон,
Что встретится в море с медузой он.

28 мая 2022 г.

Моё драгоценное счастье

А. Минаевой...

Рай создать в шалаше у земли на краю
Лишь одна в мире девушка может —
Та, которую сердцем горячим люблю,
Та, что стала посланницей Божьей.
Та, чьё имя мне слышится в ветре шальном,
Та, о ком шепчут листья деревьев.
Та, которая сделала «домом» мой дом,
С кем любая проблема — не бремя.
Та, чьё плечико хрупкое в трудный момент
Будет рядом, чтоб смог не упасть я.

Мне не нужно несметных сокровищ взамен
Моего драгоценного счастья.

Ей

Был безумно бы счастлив я, если
В час, когда затихает округа,
Засыпали с тобою мы вместе,
Утопая в объятьях друг друга.

Нет, уснул бы я позже немножко,
Чтобы вдоволь успеть наглядеться,
Как

ты

спишь:

Словно дикая кошка,
В грудь уткнувшись мою возле сердца.

Мне б дышать ароматом пьянящим
Лоб слегка прикрывающей чёлки,
Любоваться тобой, сладко спящей,
Трогать трепетно пальцами щёку,

Нежно гладить изящную спинку
И губами к плечу прикастаться.

Я мечтаю,

 моя половинка,

Засыпать вместе...

 И просыпаться...

Прогулка в лесу

Тёплый дождь по земле лупит хлёстко...

Я с любимой по лесу иду.

Глянь, вальсируют клён и берёзка

У сосновой толпы на виду.

Им, как нам, наплевать на косые

И завистные взгляды дерев.

Мы гуляем с тобою босые,

От июльского дня одурев.

Обнажает шикарное тело

Сарафан твой —

 До нитки промок.

Сердце бьётся моё оготело

И стучится морзянкой в висок.

Страсть совсем переполнила душу.

Хмель и счастье в моей голове...

Никому не расскажет опушка

О безумной любви на траве...

Тамара Потанова

г. Москва

Люди, сердцем не черствейте!

Пёс сидел на остановке,
Всем заглядывал в глаза,
Мордой тыкался неловко,
Словно сам хотел сказать:

«Я хороший, не кусачий,
В дом к себе возьмите жить,
Пригожусь ещё на даче —
Ваш участок сторожить!»

Он готов бежать послушно,
Если кто-то позовёт,
Только взглядом равнодушно
По нему скользил народ.

К остановке многолюдной
Бомж лохматый подошёл,
Для собаки той приبلудной
Он один слова нашёл:

«Не грусти ты, пёс, дружище,
Не скули, не унывай,
Мы с тобой еды отыщем —
Хоть кусок, хоть каравай!»

Из глубокого кармана
Хлеба краюшек достал
И по-братски разломал он —
И собаке часть отдал.

Люди, сердцем не черствейте,
От беды не прячьте взгляд,
Кто нуждается — жалеите,
И Господь воздаст стократ!

Иван Плетухин

г. Челябинск

Мы можем

Давай-ка, друг, с тобой споём
Мы песню общую дуэтом,
И пусть она своим теплом
Согреет наши души светом.

Даст дополнительный заряд
Мечтам, которые нас прежде грели,
И как мы наш взаимный лад
Доселе сохранить сумели.

Петь нынче врозь, по одному,
Затратно и неэкономично,
Как вместо хлеба есть хурму
И думать: «Всё идёт отлично».

Нас просто разобщают, друг,
Чтоб обмануть поодиночке,
Чтоб нам казался вид вокруг —
Как Диогену мир из бочки.

И мы пошли бы на поклон
Опять к «хозяевам» планеты:
Несли бы им со всех сторон
Свои восторги и заветы.

Вот почему нам нужно петь,
Всегда дуэтом, лучше хором,
Чтоб силу нужную иметь
И в главном чувствовать опору.

И всем вокруг пора бы знать,
Что мы не зря дуэт растили
И сможем противостоять
Любой извне пришедшей силе.

Святая, как правда, любовь

Лишь прикрою глаза, засыпая,
Слышу прежних напевов полёт.
Где-то песня, как звень, молодая,
Меня снова на праздник зовёт.

И как в юности — сердце в тревоге,
И его уже трудно унять:
Вдруг девчонка, насупившись строго,
На примете имея другого,
Не захочет со мной танцевать.

И прилюдно, чуть-чуть горделиво,
Демонстрируя явную страсть,
Другу давнему нежно, красиво,
С удовольствием руку подаст.

И скользнут они в музыку с маху
По зеркальности мраморных плит,
Этим бросив на горькую плаху
Мою гордость, достоинство, стыд.

И проснусь я с надеждой на милость —
Испытать всё ушедшее вновь:
Неуверенность и наивность,
Муки ревности, злую ранимость
И святую, как правда, любовь.

Надежда Полякова

г. Коломна, Московская область

Когда устанешь от бесконечной тишины,
позвони мне. Я буду рядом.
Даже если между нами будут десятки, сотни
или даже тысячи километров.

Держи меня за руку крепче. Я сильная,
ты сможешь выбраться
Даже из самой глубокой пропасти.
Верь мне.

Когда устанешь от бесконечных размышлений,
позвони мне.
Посмотрим на звёзды.

Я не обещаю сделать тебя счастливым,
но обещаю не причинить боли.

В радости и печали. В счастье или отчаянии —
я с тобой. Пусть даже мысленно.

...Сегодня очень красивые звёзды.
Пусть и скрытые под облаками.

2019–2022, г. Пионерский

Я говорить хочу до хрипоты,
До боли в горле.
О жизни, смерти и любви,
О том, чтоб помнили.

Что за закатом ждѣт рассвет,
Жизнь — бесконечность.
Что сколько б ни минуло лет,
Есть мы. Мир под названьем Вечность.

16-17 апреля 2022 г., г. Коломна

Тихо. Только свет не гаси.
Дверь закрой, уходя, поплотнее.
Вот улыбка моя. Её в сердце носи,
Если станет вдруг холоднее.

Я вернусь. Сквозь туманы вернусь,
Но и ты не теряй дорогу.
К жѣсткой руке, как кошка, прижмусь,
Не отходя от порога.

Слишком я знаю, как жизнь коротка.
Держи меня за руку крепче.
...Ты приди ко мне через года,
Если время раны не излечит.

14 мая 2022 г., с. Пески

За закатом наступит рассвет.
В это верю как в неизбежность.
И сколько б ни минуло лет,
Я сберегу тепло и нежность.

Души истерзанной покой
Ни шторм, ни бури не встревожат.
Я улыбнусь, услышав голос твой,
И годы время не умножат.

17 сентября 2022 г., г. Алушта

Анна Попова

г. Кашира, Московская область

Они не знали, что они герои

*Памяти моего прадедушки
Демичева Ивана Степановича,
дедушки Попова Николая Николаевича
и всех защитников Родины*

Они не знали, что они герои.
Они, как все, хотели просто жить.
Война им уготовила другое,
Смертельные крутые виражи.

Им те сороковые роковые,
Как свечку, запалили жизни нить.
И горько вслед им плакали родные,
Бессильные хоть что-то изменить.

Их бросило по выжженным дорогам
Туда, где грохотал кромешный ад,
Где царство смерти, жизнь — подарок Бога,
Где было имя каждому — солдат.

Куда им путь — кто знал тогда об этом,
Что суждено в конце того пути...
На их вопросы не было ответов.
Но сволочи фашистской не пройти!

И сразу становилось так понятно,
Кто из какого теста слеплен был,
Когда не шёл от страха на попятный
И подлостью других не подводил.

Им было больно, холодно и страшно,
А приходилось крепче быть кремня.

Как нестерпимо трудно быть отважным,
Когда защита — кожа, не броня.

Душа кричала — жить! Она просила
Пощады каплю в гибельном пути.
Но не было такой на свете силы,
Чтоб чашу горя мимо пронести.

И шли вперёд они, простые люди,
Своей земли родные сыновья.
И закрывали эту землю грудью,
Собою закрывала их земля.

Так непохожи, но с одной судьбою,
Защитники Отчизны в страшный час —
Они не знали, что они герои,
Стояли насмерть, жизнь отдав за нас.

Накануне Воскресения

Сгустилась тьма. И шума голосов
Уже не слышно, площадь опустела.
На камне близ поваленных крестов
Она одна, недвижима, сидела.

Её глаза смотрели в никуда,
Ослеплены виденьем страшной казни.
...То мнилось ей, как яростно толпа
Кричит, как страже отдают приказы,

Его, браня, оплётанным ведут
В венце терновом к месту крестной пытки.
Позор и смерть назначены ему,
А он молчит, потупив взор в молитве.

— Распни! — вопит такой, как я и ты,
Глупец, самонадеянный до дрожи,
Кому своей неправой правоты
Неоспоримей нету и дороже.

— Распни! — блажит такой, как ты и я,
Кто, видя зло в другом и обличая,
Себе защитник, а другим судья,
В своём глазу бревна не замечает.

— Распни его! — науськивает ложь.
— Распни его! — натравливает зависть,
И фальшь косится мстительно и зло,
И лицемерье руки умывает.

Безумствуют: «Распни его! Распни!»
Так горько ей, что сердце кровью плачет.
А он молчит и молится о них,
Её родной, её небесный мальчик.

Она всё знала, в сердце сохранив,
Давным-давно, ещё когда качала
Его младенцем на руках своих,
Она всё знала с самого начала,

Но как он был ей страшен, этот день,
Жестокий суд толпы бесчеловечной.
...Завуть бы в голос, больно видеть ей:
Воткнули гвозди, выломали плечи,

Распят. Глумятся: «Ну, сойди с Креста!
Спаси себя, ты, Царь, Спаситель мира!»
Страданий чашу он испил до дна.
Не ведала толпа, что сотворила.

Отмучился. Покинул мир земной.
Зло оглашает мнимую победу,
И ложь с ухмылкой подлой и кривой
Тьму нарекает истиной и светом.

– Нет сына! – вдруг ожгло её на миг
Тоской, смятением, дух перехватило,
Но вера, озаря светлый лик,
Надеждой несомненной окрылила.

Она всецело верила ему,
Он – жизнь, он – правда. Он сильнее смерти.
– Да будет всё по слову твоему!
Враги да расточатся! Бог воскреснет!

...Он погребён. Какая тишина...
Но в третий день всем людям во спасенье
Воскреснет, свято верила она
Той ночью накануне Воскресения.

Анастасия Русских

г. Новокузнецк, Кемеровская область

Развернувшись в квартальный кубизм
вопиющей спиной,
Излагая углам
невербальную логику дыма,
Ощущаешь, как выплеснут в мир,
безгранично-сквозной,
Всем своим существом —
стопроцентно и неоспоримо.

Небо — дальше, чем взгляд.
И оттуда шальному лучу
Квадрильон оборотов Земли
добираться досюда;
Но — творятся миры,
когда ты улыбнёшься чуть-чуть,
И созвездья текут
по твоим кровеносным сосудам.

Что у слова «всегда»
в поэтических щедрых устах
Нет ни капельки смысла —
понятно ежу и младенцу.
Но слова умирают —
как птицы — в укромных местах,
Исторгая на волю
танцующий вихрь трансцендений.

И когда слово «вечность»
вернётся в схематику льда,
Чтоб растаять под солнцем Любви, —
ты поймёшь запоздало,

Что, лишившись границ,
ты — возможно, уже навсегда —
Потеряешь лишь то,
что и вовсе не существовало:

Эти злые углы,
беззащитность прозрачной спины,
Защищённость часов
от воды и щадящих ударов —
Эти твёрдо-прямые,
квадратно-линейные сны,
Вряд ли даже всерьёз
заслужившие статус кошмаров.

Вряд ли важным окажется,
кто и кого потерял,
Когда свет
расхлестнёт и затопит скорлупки-светила,
И душа Естества,
вдруг очнувшись, как тот генерал,
Отряхнётся слегка
и промолвит: «А что это было?..»

Юному балбесу не до хмурости.
Он вселенной полноправный житель:
Многая печаль — во многих мудрости?
Не-а, не поверю! Докажите!
А в засаде ждут проблемы взрослые —
Каждая с подвохом да со стажем,
С каверзными «вечными» вопросами.
Прыгай, птенчик, радуйся... Докажем.

...Жизни марш-бросками и привалами
Побродил по свету, глядя в оба.
Мудрости, бывало, не хватало мне.
И сейчас хватает не особо.
Но хлебать печали полной мерою —
Всё одно что у костра прибраться.
Гой еси, кощеи, волки серые —
Я на стрёме. Налетайте, братцы.

Мне твердят попутчики угрюмые:
Ты умерь-ка прыть свою скорее,
О душе уже пора подумать бы! —
Понимаю... Думаю. Мудрею.
К солнцу, Богу — вечно есть к чему расти.
Как бы опечалить ни старались —
Радость в ней одна, во mnogой мудрости!
Только в ней-то, собственно, и радость.

Никогда не бойся ничего.
Ты — вопрос, что Мирозданием задан
Самому себе. И всё, что рядом, —
Суть ответ. Лишь выслушав его
До конца, есть шансдохнуть на ладан.
И ни шанса ровно — до того.

Боль, вражда, смятенье, колдовство,
Горы, пламя, пропасти, пустыни,
Кровью осквернённые святыни —
Да не кем-то, а самим тобой... —
Никогда не бойся. Ничего:
Всё пройдёшь. И всё пройдёт. И схлынет.

Человечьи годовые кольца
Много крепче прочих древесин.
Страх умеет выбивать из сил, —
Только с ним и следует бороться.
А насчёт «не верь» и «не проси» —
Наплевать. Проси. И верь. Не бойся.

Мне оставлена память,
и казни не выдумать слаще,
Чем проклятые спазмы
предчувствий последних шагов,
Перед тем как упасть на крыло —
и в сплошном настоящем
Раствориться неясью
в ясном сиянье снегов —

Не оставить следа,
не вмешаться в мышинные пляски,
Не встревожить
в иных временах протяжённых ветвей...
А пока не сбылось —
улыбаться, как девочка в каске,
Ускользнувшая от кирпича,
взяв немного левой.

Тонкость токов ловить —
капиллярных и молекулярных —
Сквозь огромные грохоты
гор гробовой тишины,
Как во льдах голубых
безнадёжно застрявший полярник,
По эфиру метаться,
ища населённой волны.

По эфиру... астралу, менталу...
и дальше, и выше, —
Только где-то поблизости
глушат мою частоту...
И, наверное, к лучшему —
чтобы никто не услышал,
Как, пределы преодолевая,
тихонько расту.

Но пределы — на то и даны,
чтобы их протаранить,
И логичность пути
мне покоя никак не даёт:
Я не знаю, не знаю, зачем
мне оставлена память,
Но боюсь подозрительно точной
настройки её.

Вдруг, от яви до прави
с картонным мечом наготове
Добежав, я вломлюсь
в безусловный победный тупик,
И поверх поля зрения
вспыхнет насмешкой: «game over»,
И отключенный ток
не позволит сорваться на крик.

Иногда Мужчинам надо уходить —
В лес, к друзьям, к подругам, на рыбалку...
В монастырь. На городскую свалку.
В дикие июльские дожди...

Важно — не зачем и не куда,
Не протест, и даже не свобода.
Важно — состояние ухода.

...кто бы там, в оставленном, ни ждал.

Из опыта многих подруг

Вроде счастлива. С милым не в ссоре...
Только грустью туманятся очи:
Всем любимый хорош. Не поспоришь.
Но на мне он жениться не хочет...

Говорит он мне с нежной печалью
(Правда, голос какой-то угрюмый):
«Ну зачем тебе паспорт с печатью?
Что изменит она? Ну подумай!

Я люблю тебя. Я тебе верен.
Деньги — в дом. Сам — как штык,
каждый вечер.
Я ремонтом заняться намерен...»

И ведь прав. Возразить-то мне нечем!

И любви мне хватает, и денег,
И свободна, как вольная птица...

Да, печать ничего не изменит.

Так чего ж он её так боится?!..

Иногда Мужчинам надо уходить —
В лес, к друзьям, к подругам, на рыбалку...
В монастырь. На городскую свалку.
В дикие июльские дожди...

Важно — не зачем и не куда,
Не протест, и даже не свобода.
Важно — состояние ухода.

...кто бы там, в оставленном, ни ждал.

До чего ж это горькая жизнь —
 что ни часу без смеха:
Сладким — горечь, как сахаром — кофе,
 разбавить. Унять
Бесконечную боль,
 что по залам души, словно эхо,
Всё несётся, калечась о стены, —
 опять и опять.
Начинается день,
 не уверившись в здравом рассудке
Всех вколоченных в утро
 гвоздями сигнальных звонков.
Ну, вперёд! —
 громоздить злые шутки на тонкие шутки,
И чем тоньше, тем злей.
 Ибо кодекс остряцкий таков.
И когда от веселья стонать
 устают даже стены,
Сам собой зацветает в душе
 безразличный уют.
Только где-то вдали
 пахнет дымом и воют сирены, —
Ох, не нас ли, смешных,
 арестовывать нынче идут?..
И уже не найти
 среди прочей космической пыли,
Среди пьяных ночей
 между завтра и позавчера,
Как о чём-то хорошем
 мы тихо с тобой говорили —
Только слишком о грустном,
 чтоб помнить об этом с утра.

Сидят, старательные, трое
У деревянного грибка
И увлечённо замки строят
Из золотистого песка.

Взмывают зубчатые башни
До неба, крепости встают —
Чтоб ради прихоти пустяшной
Исчезнуть через пять минут.

Рассыпались ряды ступеней,
Опали линии перил,
Но на руинах юный гений
Чумазый — вновь осуществил
Архитектурный план особый,
И вновь над замком вьётся флаг...

— А я могу, смотри, вот так!..
— И я хочу!
— Давай, попробуй...

Пройдёт хоть двадцать лет, хоть сто
Задач, находок и решений...
Взгляни внимательно: ничто
Не изменилось, совершенно —

Ни в нас, ни в нашем взрослом мире.
И лишь песочница всё шире.

Тетралогия полёта

I

Когда ты весь — как тихий выдох ниоткуда,
Когда Любовь и ты — пока ещё одно, —
Хрустальной лапкой намечающий этюды
Паук Координат, измыслив полотно,
Лишь начал прясть свою серебряную нить,
Отбросив тень, как половина — половину;
Ладонь Творца, ещё сжимающая глину,
Уже тебя почти готова отпустить
Туда, где плещет свет под голубой эмалью
И пляска бликов искромётна и чиста, —
И ты отходишь нисходящею спиралью,
Приобретая свойства палого листа...

II

...Мозаичная листьев суета,
Узоры взаиморасположений
И ветер — скрытый смысл передвижений
Среди других отдельного листа...
Пока ты здесь. Пока ещё не дрогнул
Мир, расходясь кругами по воде,
И небосвод так достоверно вогнут
В таинственный чердак Вселенной, где
Из года в год вращаются картинки, —
Взглянуть бы ближе!.. — думаешь. — Но как?.. —
Приобретая свойства микро-паучка,
Стремглав летящего в закат на паутинке...

III

И только здесь, пронизывая воздух,
Ещё неверным слухом ловишь ты
Застывший на альтах щемящий отзвук
Забытой при падении мечты.
А на Земле останется хороших
Вещей — так много!.. Ты не просишь крыл.
Но трубы ждут, когда ты позовёшь их,
И звёзды ждут, чтоб ты заговорил;
И тихий отзвук, превращаясь в гром,
Накрыл и скрылся в тишине звенящей, —
И ты взлетаешь по спирали восходящей,
Приобретая свойства дыма над костром...

IV

Приободришь, оставшийся один, —
Один — в толпе, на острове — неважно.
Да, ты обманут. Путь непроходим
И небом, словно дом, многоэтажным.
Сотри ладонью мир, как со стекла
Стирают влагу полосой горячей,
И не считай потерю неудачей
За то, что на удачу обрекла.
Ведь ты — никто —
 прозрачным небесам.
Не лист. Не дым. Не нить.
 Но и не птица.
Ты сам — полёт. И вспомнишь это сам, —
Теряя — свойства...
 качества...
 границы...

Плитка, кровать и стены.
Дерюжины вместо шторок.
Взыграли мамины гены —
Вдруг, ни с чего, под сорок.

Взыграли — куда их денешь...
Проклятье, должно быть, рода.
Всё. Ни любви, ни денег
Не надо. Надо — Свободы.

Сама же шепчу «Любимый...»,
Взгляд уронив на фото;
И тут же — иди, мол, мимо.
Некогда мне. Работа.

Лесом иди. Перелеском.
На самый далёкий хутор.
Нет, не моя СМС-ка.
Ты с кем-то меня попутал.

Странно самой. Живая.
Силы — ворочать горы!
Медленно вызревает
Кто-то внутри... матёрый.

Медленно облакает
Сердце весёлой злостью.
Мама — она такая!
А я — её кость от кости.

Медленно, постепенно
Рвётся хитин лопаток...
Плитка, кровать и стены.
Счастье. Сухой остаток.

В дальнем конце коридора кто-то вопит.
Женщина. То ли любят её, то ль лупят.
Ближе — смеются. Спорят. Чайник кипит.
Гневно ворчит сосед о прокисшем супе.

Кошка выводит рулады. Считай — поёт:
На заколоченной лестнице — вдоволь эха!
Возле крыльца матерятся и колют лёд.
Лепса включили. Автомобиль подъехал.

Девушка — боем в разведку: как там, внутри,
Где были вопли: «Лена, открой! Не отстану!»
...Хрипло — подросток: «Мамке не говори...»
И — уже звонче: «Здравствуйте, тётъ Оксана!»

Жарят минтай. Кто-то звенит струной.
В правом крыле — анекдоты, коньяк и танцы.
Лена открыла. Вышел её родной.
Всех доброхотов послал в целый ряд инстанций.

Вздых поцелуя. Скрипучей кровати крен.
Всхлип унитаза. Рвущаяся бумага.
Голая правда голых картонных стен.
Десять ноль-ноль. Россия. Зима. Общага.

Что воплощенье — это риск,
За жизнь усвоить я успела:
Не каждый фильм войдёт на диск,
Не каждая душа — на тело.
О, не спеши кидаться вниз,
Заслышав ласковое «Ай лав...»
Взгляни на Землю. Присмотрись —
Ты видишь, сколько битых файлов?

Мы созданы друг друга обижать —
И называем это словом «опыт».
Но сводят вновь таинственные тропы
Тех, кто мечтает встречи избежать,
На самых неизбежных рубежах.
Жизнь строится из этих мелких хлопот
И множит их с настырностью бомжа
В исканиях того, что можно слопать.

Ей нравится глотать своих детей
Подобно революции. Так в тонус
Вводил супругу Рею хмурый Кронос,
Урана-папки жёстче и лютей, —
Рожай, мол, дорогая, не пустей,
Пускай не канет втуне даже волос
С головки чада... Что же до костей —
Они пойдут на гумус и на бонус.

Мы созданы друг друга мастерить
Из душ, из мыслей и из тел друг друга,
Обрывков сна, ошмётков перепуга,
Чтобы, продев серебряную нить
В иглу обиды, смаковать и длить
Чужую боль... Свою ли? (О, упруга
Подушечка души...) И говорить —
Как будто никому, уставясь в угол,

О прошлом — как о нынешнем. Вчера —
Протяжность непрожитого сегодня,
В котором воля правит не Господня,
В беспамятство сливая вечера
С попытками проснуться. Свеч игра
Напомнит о желании стать свободней,
О вечном — как о завтрашнем. Сегодня —
Застывшее на выдохе вчера.

Мы созданы друг друга воскрешать
Из самой долгой и глубокой комы,
Чтоб навсегда чужих и незнакомых —
Узнала потрясённая душа,
Просвет во льдах забвенья продышав.
Чтоб изумиться: Господи! Я дома!
Чтоб мир мурлыкал, как пушистый шар,
Пригревшийся под ручкой малыша,
Смешную сказку из ушедшей дрёмы...

Раненым эхом военного горна
Тихо в крови растворяясь,
Медленно — копится — катится — к горлу —
Ярость!

Предков ли древних, кудлатых титанов —
Бунт — вызревает — в мышцах;
Тянется, кожу взрывая, упрямо —
Выше! —

В праведном — или неправедном гнев
Все загражденья рушит...
...Что я забыла там, в слякотном небе?! —
Душу?..

Татьяна Швайко

г. Минск, Беларусь

Я в ладонях согрею весь мир...

Я в ладонях согрею весь мир,
Такой хрупкий, такой одинокий.
И от грусти найду эликсир,
Чтобы солнце взошло на востоке.

Озарило сиянием день,
Такой серый, такой непогожий,
И пронзило глухую мишень,
Чтобы светом укрыло прохожих.

Оглянись, милый друг, не робей,
Вокруг столько прекрасного рядом,
И сквозь холод дождливых ночей
Награди себя солнца нарядом.

В повседневной мирской суете
Сбрось обид и сомнений оковы.
Улыбнись красоте, доброте,
Чтобы счастья стучали подковы.

Старый фотоальбом

Возьму в руки я старый альбом,
В нём уже пожелтевшие фото.
Серебрится мороз за окном,
Хорошо, что сегодня — суббота.

Можно дома побыть в тишине.
Я листаю альбома страницы,
Возвращаются снова ко мне
Все родные знакомые лица.

Кто-то рядом со мною сейчас,
Кто-то в памяти только остался.

Кто был юн — тот уже седовлас.
Кто-то верил и ждал, волновался.

Оживает в душе теплота,
Память сердце тоскою изранит,
В нашей жизни ведь всё неспроста,
Время встречи со всеми настанет.

Ветром вечности всё унесёт,
И с родными придётся расстаться.
И пусть в жизни нам всем повезёт
В фотографиях добрых остаться.

А я листаю азбуку души...

А я листаю азбуку души,
Перебирая хрупкие страницы,
И мысли собираю по крупичам,
Освободив от глупости и лжи.

Я распушу по ветру все мечты,
Пускай летят по миру, улыбаясь,
И, звёздами цветными рассыпаясь,
Освобождают свет от темноты.

Я разведу из нежности костры,
Любовью согревая тихий вечер,
Неся с собою радостные встречи,
Под смех весёлой местной детворы.

А я составлю список из имён,
Которые лишь для меня важнее,
Которые любимей и роднее,
И каждый будет в сердце сохранён.

Я беды все умою под дождём,
И унесу звенящим ураганом,
И упакую плотным целлофаном,
А все несчастья мы перешагнём.

Содержание

Н. Евстигнеева. <i>Давайте будем бережней друг к другу</i>	4
Екатерина Андросова	6
Вячеслав Белов	10
Алевтина Бондаренко	14
Галина Городецкая	18
Валентина Душина	24
Елена Золотавина	48
Мария Зинина	50
Ольга Колокольцева	51
Алексей Курганов	56
Александр Ларионов.	64
Галина Мак.	66
Александра Меньщикова	68
Денис Минаев	70
Тамара Потапова.	73
Иван Плетухин.	74
Надежда Полякова	76
Анна Попова	78
Анастасия Русских	82
Татьяна Швайко	96

Давайте будем бережней друг к другу

Сборник о добре. Выпуск 17

Редколлегия:

С.С. Антипов,

Д.В. Минаев, Н.В. Евстигнеева

Руководитель проекта:

Н.В. Евстигнеева

Составитель:

Д.В. Минаев

Дизайн обложки:

А.А. Минаева

Корректор:

А.Е. Русских

Компьютерная вёрстка:

Д.В. Минаев

Подписано в печать 27.04.2023

Формат 60x90/16. Бум. офс. 80 г/м².

Печать цифровая. Объём 6,25 усл. п/л.

Гарнитура BalticaС.

ООО Издательство «Серебро Слов»

Телефон: 8 (926) 433-33-99

E-mail: srebro.slov@gmail.com

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

Интернет-магазин:

<http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

ISBN 978-5-907703-04-9

9 785907 703049 >